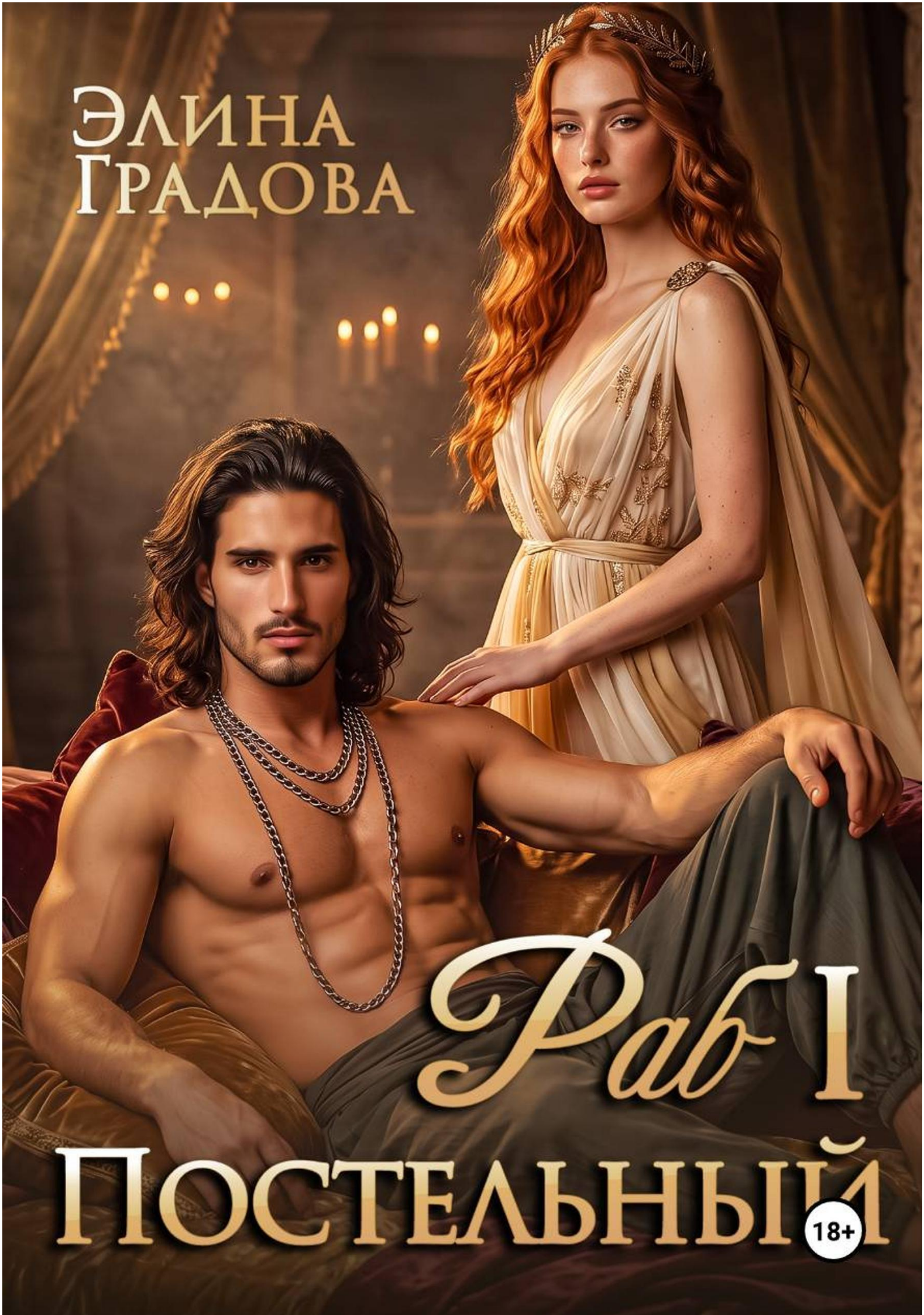
Элина Градова
Раб I
Постельный
18+

Постельный раб

Элина Градова

Постельный раб. Книга 1

«Автор»
2026

Градова Э.

Постельный раб. Книга 1 / Э. Градова — «Автор», 2026 — (Постельный раб)

Представьте, что вы хозяйка поместья! Нет! Не 6 соток, а настоящее, большое, богатое! И покупаете себе раба! Невозможного красавца горячих южных кровей. И в мыслях нет, чтобы для любовных утех! Просто без вариантов: не купите, умрёт! А потом влюбляетесь! Ни магии, ни драконов, ни оборотней! Самым обычным бабским образом в самого настоящего мужика! Но признаться никому нельзя! А у раба ещё и характерец! Но до того соблазнителен, что колени слабнут, и сердце тает, как медовый леденец! Ну как от такого отказаться?

© Градова Э., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 5
Глава 1. 7
Глава 2. 9
Глава 3. 11
Глава 4. 13
Глава 5. 15
Глава 6. 17
Глава 7. 20
Глава 8. 22
Глава 9. 24
Глава 10. 26
Глава 11. 28
Глава 12. 30
Глава 13. 33
Глава 14. 35
Глава 15. 37
Глава 16. 40
Глава 17. 43
Глава 18. 46
Глава 19. 49
Гл 52
Конец ознакомительного фрагмента. 53

Элина Градова
Постельный раб. Книга 1

Пролог

- Это что? - вернее, - Кто это, папа? – отец хохочет заливисто и искренне, вытирая набежавшие смешливые слезинки в уголках глаз,

- Это Ваш личный раб, госпожа Северина, - ещё и дразнится, - как же Вы могли позабыть, что купили себе мальчика для утех? Вот, он готов к исполнению обязанностей, - хитро подмигнув, добавляет, - любых! – и даже не краснеет.

Последнее дополнение предпочитаю пропустить мимо ушей, вернее, сделать вид.

- Раб?! – что за чертовщина?

- Чертовщина то, что купила, а теперь отказываешься, хотя я полгода занимался его воспитанием, чтобы ты была довольна, дочурка.

- Это какая-то ошибка, пап, у меня нет рабов.

С тех пор, как почил в бозе мой старый супруг – большой охотник поизмываться над подневольным людом, я всех рабов распустила. Вернее, вольные грамоты подписала. И предложила остаться служить по собственной воле за жалование, а нет, идите, никого не держу. Практически все остались, осмелели, а в былые времена то и дело ловили беглых в наших краях.

В недоумении рассматриваю батюшкин подарок: мужчина голый по пояс, босой, из одежды только полотняные широкие штаны, подвязанные верёвкой на тощей талии, а то и те бы потерял. Кожа смуглая, по спине вдоль и поперёк зажившие шрамы, видимо, плеть гуляла по этому телу не единожды. Ни лица, ни возраста не пойму. Человек стоит на коленях, низко опустив голову, на шее широкий железный ошейник, а от него тянется крепкая верёвка, конец которой намотан на кулак Гонзо – верного отцовского слуги.

- Вы так его и вели на четвереньках? Все двадцать вёрст?

- Помилуй Бог, дорогуша, я же не зверь, - изумляется папа, но пояснение просто умиляет, - как можно товар портить? Привёз в карете честь по чести, он даже ног не топтал, не то, что коленей!

- Неужто, в карете! – не верится.

- Ну да, на полу места много! – действительно, как я не догадалась сразу, что он бросил его себе под ноги вместо коврика.

Жалко человека, но, тем не менее, надо отказываться, зачем он мне сдался?

- Так я ж не просила, - удивляюсь, с чего такая щедрость? Отец – поборник традиций, мои нововведения не одобряет. Считает, слишком много воли дала народу и ещё пожалею, но соваться со своими правилами не смеет. Прошли его времена. Когда он выпихнул меня юной девчонкой замуж за старого приятеля, с которым знаком давным-давно, и в мохнатые годы под стол пешком к нему ходил, а тот сопли ему вытирал.

Вот тогда и кончились его правила.

Я рыдала, висела у него на руках, валялась в ногах, но тщетно. Заступников не нашлось. Матушка умерла в моём раннем детстве, так что я росла самостоятельным ребёнком, хоть и с няньками. Но няньки - рабыни, значит, не защита. А новая отцова жена Лусинда, чуть старше меня, была только рада, что не ей одной маяться, да и глаза мозолить своим оптимизмом не буду.

Только мне повезло больше Лусинды, прожив в «счастливом» браке чуть больше трёх лет, я благополучно овдовела, а она – бедняжка нет. И говорить «увы» не стану, потому как, несмотря ни на что, своему отцу скорой кончины не желаю.

- Это твой раб, забывчивая моя! – возвращает на землю отец, - сама привезла его полгода назад в мою усадьбу и оставила.

- Мо-ой?

Неудачно упав с лестницы пять месяцев назад, я чуток ударилась головой, так что некоторые вещи не могу припомнить. То ли было, то ли нет. Но чтобы раб…

Надо как-то культурно отказываться от сюрприза, который папа считает моим. А пока уже даже больно смотреть, как человек протирает колени о гравий дорожки.

- Подними его! – командую слуге, - хочу рассмотреть подарочек.

- А, ну-ка, встал! – Гонзо дёргает верёвку вверх, досадливо морщась, - слышал, что госпоже угодно?! Отец только довольно потирает руки.

Голова мужчины дёргается, ошейник острым краем больно врезается в горло и, не рискуя быть задушенным, он встаёт, но глаз поднять не смеет. Так и стоит с низко склонённой головой, длинная чёлка заслоняет лицо.

Зато, я вижу его тело. Он высок и широк в плечах, но худой неимоверно! Ключицы торчат, рёбра все наружу, штаны съехали и повисли только лишь на тазовых костях.

- Вы не кормили его, что ли? Он же тощее бродячей собаки!

- Кормили! – поясняет родитель, - в меру, чтобы далеко не сбёг!

- Глянь-ка на меня, парень! – обращаюсь непосредственно к рабу. А он, словно не слышит, даже головой не шевельнул.

- Да что ж за олух-то такой навязался! – Гонзо дёргает его за длинные волосы сзади и не выпускает, заставляя поднять голову и держать прямо.

Слишком сильно тянет, так что она задирается лицом кверху, заставляя неловко сглатывать, открывая острый кадык и ужасный, врезающийся в кожу, ошейник.

Мужчина невольно держит голову поднятой, так что можно его разглядеть. Мы с отцом на крыльце в пяток ступеней, слуга с рабом на земле, и ещё два сопровождающих охранника поодаль. Так вот, раб с нами почти вровень и намного выше старика Гонзо. Примерно, как те два амбала на заднем плане.

Несмотря на оставленные длинными волосы, лицо гладко выбрито и довольно благородно. Лоб высок, брови тёмные вразлёт, пушистые ресницы прикрывают глаза. Хороший прямой нос, гармоничный подбородок, щёки впалые, так что скулы выпирают остро, тронь и порежешься. Но это явно от недокорма. Кажется, его лицо знакомо.

- Глаза открой! – командую. Что за неповиновение? Ясное дело, что рабам в нашем государстве строго запрещено таращиться на господ, но сейчас не тот случай. Сама велю, - глаза!

Он получает промеж лопаток тычок от Гонзо и наконец-то взглядывает на меня, обжигая дикой ненавистью и болью, аж комок к горлу! Невольно хватаюсь за шею, словно не на нём железная удавка, а на мне. Пронзает озарение,

- Исмаэль?! – как же я могла забыть! Эти чёрные оливы слегка раскосых глаз пепелят меня такой обидой, что плакать хочется, - как же я могла?..

Глава 1.

Полгода назад

Солнце медленно, но неумолимо сползало за горизонт, плохо укатанная грунтовка пылила, завивая воронками мелкий песок из-под копыт Пигалицы, бричка мягко катилась вперёд, оставалось не меньше десяти вёрст, когда впереди показался караван. Это осложняло положение.

Встречаться с незнакомцами не хотелось, но и плестись следом не имело смысла. Скоро тёмная риголейская ночь накроет мир от горизонта до горизонта бархатной шапкой, и тогда уж точно придётся пристать к попутчикам, потому, как ни я, ни моя Пигалица не решимся путешествовать в такое время, даже если до родной отцовской усадьбы подать рукой.

Края здесь неспокойные, то и дело что-нибудь случается. То господа чудачат, то рабы бегут. А потом ищи-свищи, да только и косточек никто не найдёт.

Самый верный способ, наоборот, прибавить рыси и поскорее обогнать неспешную процессию.

По мере приближения различаю цветастые купеческие шарабаны, наверное, гружёные заморскими дарами. Лошади в них впряжены основательные мохноногие першероны, да ещё и по двое, иначе выдохлись бы давно, а они ничего, тянут меланхолично не свою ношу, идут себе и идут. Но видно, насколько глубоко вязнут колёса в пыли, значит, груз тяжёл.

И даже не посторонятся. Что им лёгкая бричка-двуколка, с запряжённой всего одной невысокой и, по сравнению с ними, узкокостной кобылкой с игривой чёлкой, по кличке Пигалица, да ещё и правит ею молодая госпожа. Ну и что, что непростая, а дочь местного крупного землевладельца Кристополуса и, самое главное, не какая-нибудь бесприданница, торопящаяся в гувернантки к изнеженному чаду в знатную семью, а богатая вдовствующая графиня. Сильно побогаче всего этого каравана.

В попытке обогнуть процессию по обочине, бричка чуть не слетела в овраг, хорошо, что Пигалица – шустра и умна, почувствовав опасность, живо рванула в сторону, едва не столкнувшись с шарабаном.

Наконец, нам решили уступить. Один из возниц, косо глянув, зычно гаркнул вперёд,

- Иолис, Михаэлис, возьмите правее и тормозите, надо пропустить госпожу!

- Благодарствую, добрый человек! – улыбнулась я. И, воспользовавшись моментом, легонько стегнула,

- А ну, Пигалица, поднажми!

И она поднажала! Сорвалась в лёгкую рысь, да только не учла, что объезжать по обочине - то ещё приключение.

Левым колесом бричка цепляла высокий травяной край, а правым чертила по сыпучему песку, отчего её нещадно кренило и вело набок, и я боялась, как бы не перевернуться.

Поэтому ничего удивительного, что глазеть на процессию, растянувшуюся по всей дороге, было некогда.

Однако, в середине каравана обозы сменились пешими людьми. Они потеснились. Самое время выровнять транспорт, но не получилось. Бричку потащило в песок ещё глубже, и сколько я ни кричала,

- Тпрруу! – сколько ни натягивала поводья, ситуация только ухудшалась.

Почувствовав неладное, Пигалица испугалась и дёрнула вбок, двуколка накренилась сильней… и перевернулась! А я, если бы не убилась, то пострадала бы точно! Но!

Меня подхватили чьи-то сильные руки ровно за миг до того, как карета, вывернув оглобли, сделала кувырок и воткнулась в пыль кверху колёсами!

Сердцеколотилось, как сумасшедшее, дыхание перехватило, и лишь только ровный шёпот,

- Не бойся, обошлось… - успокаивал, а в голосе слышался небольшоймягкий акцент. И так захотелось поверить, прижаться покрепче, спрятаться от пережитого страха в этих сильных руках.

Глянув на бричку, колёса которой продолжали крутиться по инерции, да на взъерошенную Пигалицу, косящую дурным глазом на свою отстегнувшуюся ношу, я осознала весь ужас того, что могло со мной случиться, и подняла глаза на спасителя,

- Спасибо, - прошептала, пересёкшись взглядом с сильно обросшим мужчиной.

Его яркие, жгуче-чёрные глаза в окантовке длинных пушистых ресниц дарили покой и уверенность, и в то же время будили что-то глубинное неизведанное женское.

Это он, - отчётливо простучало сердце.

Разве? - усомнился мозг.

Потому, что вид спасителя говорил о том, что у него самого не всё ладно. Вряд ли так мог выглядеть благополучный человек. Те, что столпились рядом, тоже были не лучше.

Я не ошиблась,явно пленные, вывезенные из Азура – небольшого государства к востоку, недавно преклонившегося перед нашей короной после многолетнего противостояния осаде и почти месяца открытых военных действий.

Так и есть, вся процессия - сплошь мужчины довольно молодого возраста. Значит, воины, уцелевшие после битвы. Такое правило победителя: мужиков из побеждённых земель надо угонять в рабство.

Мой батюшка получил свои богатые владения за службу первым советником при короле Андриасе и, уйдя на покой, зажил тихо, но государственную мудрость не утратил,

- Если не хочешь получить бунта в оккупированных землях, уводи крепких молодых мужчин оттуда. Они не будут покорными. Помнят волю и порядки при прежнем правителе, и при любом недовольстве, первыми возьмутся за оружие. Упусти этот момент и получишь восстание. Оставь баб с малыми детками, они вырастут не помнящими суверена, да стариков и увечных, что не поднимут головы, потому что их игра сыграна. Не тронь слабых, пускай доживают, коли смогут потому, что с мужиками заберёшь у них большую часть хлеба и иного урожая за то, что не преклонились сразу миром.

Золотые слова! Оттого и правой рукой короля прослужил без малого тридцать лет. За какие-то особые заслуги, о которых никто не знает, граф Огустен Кристополус был отпущен в свои владения на достойный пенсион.

Но сейчас, глядя на уставших, худых оборванцев, босых, обросших, никак не верится, что вот эти люди могут пойти на бунт! Их явно очень плохо кормят и гонят пешком уже не меньше двух недель, потому что порт прибытия Ливарна – единственный, куда пристают корабли с восточной стороны, а наша столица находится в самом сердце материка. Значит, пешего ходу этим несчастным ещё не меньше полутора недель. Некоторые не дойдут. А тем, кто дойдут, тоже не позавидуешь, рабская доля – не сахар.

Надо бы к этому относиться проще, да не могу. Будь моя воля, всех бы освободила, но я же не королева, а графиня. Впрочем, в своих владениях отменившая рабство сразу после похорон супруга. Отчего все соседи сочли меня, по меньшей мере, странноватой, а иные так и вовсе решили, что сошла с ума.

- Как твоё имя, спаситель? – задаю вопрос. Надо же знать, за кого молитву Господу послать.

- Исмаэль, - едва успевает ответить.

Глава 2.

- А, ну убрал руки от госпожи! – надсмотрщик уже тут как тут! Нет бы помочь в трудную минутуслабой женщине, так он, когда всё позади, накинулся на бедного парня, - как посмел?

Исмаэль дёргается и тут же опускает руки, а красивое лицо искажает гримаса боли. Видно, погонщик успел хлестнуть плетью по спине.

- Стой, стой! – тороплюсь заступиться. - Кабы не он, может меня и в живых-то не было!

- Простите, госпожа! – оправдывается надсмотрщик. - Но не положено рабу не то, что касаться господ, но и глядеть! И вы все, - обращаясь к толпе оборванцев, собравшейся вокруг нас, - глаза долу! Быстро! – свист плётки режет ухо, она, не разбираясь, опускается всей длиной на несколько спин, и несчастные сгибаются в поклоне.

Привыкают к покорности. В Риголее не забалуешь. Раб, имевший дерзновение поглядеть прямо в глаза хозяина, приговаривается если не к смерти, то к наказанию плетьми, а количество ударов на усмотрение господина. Эти - ещё не рабы, пока не проданы на рынке, но в их же интересах познать невольничью науку заранее, так больше шансов уцелеть, и не наполучать лишних наказаний. Эх, будь моя воля…

- А теперь взялись и подняли бричкуна колёса! – командует злодей.

Несчастные, несмотря на длинные верёвки, путающиеся у них под ногами, коими они привязаны друг к другу, берутся за дело. Исмаэль с ними. А куда деваться, он же тоже скован этой цепью. Хорошо ещё она оказалась достаточно длинна, что смог вовремя подскочить ко мне и поймать.

Надо отблагодарить человека. Но как?

- Я хочу купить этого раба! – заявляю погонщику, что первое пришло на ум.

Исмаэль, услышав, резко вскидывается. Жду благодарности, но вместо неё ловлю дерзкий, злой, полный вызова и даже ненависти взгляд обжигающе чёрных глаз. Мог бы, проткнул им, как кинжалом или сжёг ненавидящим огнём!

Невольно кожа пошла мурашками, вдоль позвоночника протянуло холодом, и что-то содрогнулось внутри! Как глянул-то? А какие глаза! И до чего же красив! Если бы не злоба, не дикая оборошлость, пугающая чем-то звериным… Но почему? Ведь только что спас меня от гибели! А теперь я его взамен! Что не так?

- А, ну-ка не сметь пялиться на госпожу! – резкий окрик вместе со свистом плети, мастерски ложащейся на худую спину, заставляют парня отвернуться. Отвернуться и подобраться от боли, но не поклонитьсяи не спрятать покорно глаза. А меня затаить дыхание, будто боль от удара досталась моей спине.

За что он на меня зол?

Меж тем, погонщик, добиваясь полной покорности, добавляет ещё несколько хлёстких ударов, рассекающих ветхую грязную рубаху. Она расползается клочьями, обнажая,тут же покрывающуюся багровыми рубцами спину.

Мне нехорошо, хватаю ртом воздух, машурукой, чтобы прекратил, но палач не замечает, увлёкшись наказанием, а я всё никак не могу раздышаться и окликнуть!

Мужчина, пытаясь избежать боли, или хотя бы её ослабить, сначала оседает на колени, а потом падает прямо в дорожную пыль лицом. Корчится, всё ещё пытаясь увернуться от плети, но молчит и о пощаде не молит.

Пять, шесть… десять!

- Довольно! – наконец-то прорвало. - Прощён! Не стоит длить наказание, я удовлетворена! Вообще, не надо было!

- Воля Ваша, госпожа, - погонщик равнодушно услужлив, тут же сматывает длинный хвост плётки совершенно спокойно, будто и не хлестал сейчас по живому человеку. А потом, обращаясь к страдальцу, - славь добрую госпожу, что простила быстро, мог бы и до смерти забить.

- Благодарю покорно, добрая госпожа, - слышу злой шёпот, но никакой покорности в нём нет и в помине, а в слове «добрая» слышится сарказм.

Остальные его попутчики по несчастью расступились, давая строгому надзирателю и мне полный обзор картины.

Только, на что смотреть-то? Любоваться нечем. Сжавшись в комок, обросший, грязный раб валяется в пыли, скрежеща зубами. А несколько минут назад казался почти романтическим героем! И куда всё подевалось? Фу! Мерзкое зрелище! Надо убираться отсюда поскорее!

Забираюсь в бричку, кобылку уже впрягли, можно ехать. Слегка натягиваю вожжи,

- Ну, Пигалица!

Лошадка радостно прибавляет ходу, и невольники остаются позади.

Снова череда обозов, медленно ползущих вдоль дороги, насколько видно глазу, а вечер-то всё сумеречнее, уже и тени залегли от леса так длинно, что ещё немного, и падут на дорогу. Поздновато я из дома выехала.

Однако, мысли мои не об этом. Как ни отвлекаю себя, а всё про того парня думаю, с чего он на меня вызверился? Я же отблагодарить хотела! Спасти! Жизнь, пусть не райскую, но хорошую устроить и при первой возможности, вольную дать. А теперь с разодранной спиной как пойдёт? Вот почто вред себе сам выпросил? И погонщик не пожалел, от души исполосовал!

Он ведь достаточно молод ещё. Примерно, как я, двадцати пяти, наверное, нет. Если отмыть, да постричь, и того меньше. Что его ждёт? А ну, как в раны попадёт грязь, и они загноятся? По уму, промыть бы их сейчас, да перевязать, да чистую рубаху надеть помягче. Лучше старую, выношенную, зато тереть не будет. А у него теперь никакой не осталось. Та, что была, так лентами вслед за кнутом с плеч и съехала. И открылись лопатки острые, да рёбра тощие, что пересчитать можно.

Не надо бы ему дальше идти. Караван скоро встанет на ночлег, но парню вряд ли кто поможет! Что сделают товарищи по несчастью, коли сами пленники? Разве, посочувствуют, а если каждый сам за себя, и того не дождётся.

Эх, не дойдёт! Загнётся по дороге! Надо, что-то делать!

- На-до что-то де-лать! – бубню под нос. И решаюсь!..

Если бы я понимала тогда, что эта дорога станет для меня перекрёстком судьбы, а выбор, сделанный под влиянием сиюминутного порыва, круто поменяет дальнейший ход событий, ужаснулась бы, наверное. По крайней мере, обдумала. Но в тот момент мною двигал не разум. Поэтому было не страшно…

Глава 3.

- Эй, уважаемый! – призываю широкоплечего купчину в расшитом зелёном халате, что развалился на козлах очередного шарабана, устроив дородное пузо на коленях, ещё и подушку под зад подложил! А люди там босиком по дороге плетутся! Голодные!

- Здравы будьте, госпожа хорошая! – отвечает учтиво. Глаз у мужичка намётан, и по транспорту моему, и по наряду судит верно, что попутчица не простая.

- А, не скажешь ли, мил человек, кому невольники принадлежат, те, что в середине каравана идут?

- Мой товар, - сообщает горделиво. Потом глянув на моё суровое лицо, обеспокоенно, - али обидел кто, али ещё чем не глянулись?

- Выкупить желаю одного.

Папенька меня по головке за такое не погладит, но я уже давно самостоятельная, независимая дама, почему бы на своё усмотрение собственностью не обзавестись?

- Никак невозможно, предобрейшая госпожа, - отвечает подобострастно. - Только на невольничьем рынке, там торги, аукцион, кто больше пожалует.

- Так за того, кого спрошу, вряд ли много выручишь, а может, и вовсе ничего, если не дойдёт до столицы.

- А вам-то такой почто? – купчина в недоумении, глаз щурит, ищет корысть в словах. Но какая уж там корысть.

- Имел дерзость посмотреть не искриво, так проучить хочу по-своему! – ух, я строга! И правду говорить не спешу, иначе сыграет на моих слабостях. Лишь бы поверил.

- Так неужто Мевр не наказал? Или пожалел безумца? – беспокоится торговец. И не напрасно! Пока невольник - его собственность, за все проколы и оплошности того, ему ответ держать.

- Не думаю, что пожалел. Исхлестал знатно, так что вряд ли он встанет уже, и толку от такого товара тебе не видать. Полуденная жара – хорошее подспорье гниению раненой плоти, да и мухи яйца отложат в мясо, рубаха-то в клочья!

- Ах, Мевр, Мевр! Говорил я ему! Ох, говорил, прежде чем драть, заставляй рубаху снимать! Тпрру-у, милые! – купец тормозит лошадей, останавливая всю процессию, и неохотно стаскивает зад с насиженного места. - Надо посмотреть, что там за товар такой неходовой, что потребовался премилостивейшей госпоже.

Ох и льстец!

- Вотсам и увидишь.

Мне тоже приходится спускаться, потому что на узком краю повозку не развернуть,

- Стой, милая! - Перекидываю вожжи за оглоблю купеческого шарабана, - я быстро.

Ноги в бархатных туфельках еле бредут, утопая в рыхлом песке, у купца не лучше. Ещё и за поясницу держится,

- Эх, старость – не радость! Говорю себе, говорю: сиди дома Барыш, попивай чай в тенистой беседке, смотри, как дети растут, внуки появляются. Но всякий раз дальняя дорога снова зовёт! Всю жизнь в пути, не привык к оседлости, видно так в шарабане и помру.

- Рано помирать собрался, Барыш, поживёшь ещё! – посмеиваюсь, пока ковыляем с ним назад к пленникам.

И смех мой по мере приближения затихает!

- Эй! Мевр, ты что творишь?! – вырываюсь вперёд купца. - Я его простила, если помнишь!

Исполнительный надсмотрщик замирает прямо на замахе плети, которой в моё отсутствие продолжил расписывать спину несчастного. Глядеть на дело его рук страшно!

- Ну и, как это понимать? – вопрошает начальник.

- Выскочек среди рабов быть не должно!

- Этоверно…

Плеть снова находит свою жертву.

- Что значит, выскочка? Да если бы он стоял, как остальные, и смотрел, я бы убилась!

- Это, правда, - охотно подтверждает Мевр, - но такие навыки рабу ни к чему.

- Так ты ещё при мне наказал его за всё! Потом-то за что?

- А он вставать не хотел! – отвечает палач, отирая рукавом пот со лба. Во как утрудился, вспотел, лупивши парня! А тот вроде уже не дышит!

Мне бы присесть рядом, коснуться его губ, чтобы проверить дыхание, или найти бьющуюся венку на шее, если ещё бьющуюся, конечно, да не смею. Нельзя интерес выказывать, а то купчина за полумёртвого раба такие деньжищи заломит! А у меня с собой монет всего ничего. Я ж не планировала людей скупать, а просто отправилась в соседнее поместье повидаться с отцом.

Но всё же, кое-что спросить могу,

- Теперь, думаешь, встанет?

- Теперь, точно нет, - заверяет Барыш, попинав узким носком башмака парня в тощий бок.

Остальные пленники, расступившись поодаль, замерли в покорных позах, но пользуясь моментом, отдыхают.

- А я, что говорю, - подтверждает Мевр безо всяких угрызений совести.

- Режьпалец, - командует купец, теряя интерес к зрелищу, и поворачивает обратно.

Погонщик вынимает из причудливых ножен на поясе кривой короткий нож, судя по сверкнувшему лезвию, очень острый, и нагибается над жертвой. Подбирает из пыли грязную руку и приноравливается к мизинцу.

Тут уж не до спокойствия,

- Ты одурел, мужик?! – падаю рядом на колени, выдирая кисть пленника из его руки. - Сначала изуродовал ни за что, а теперь ещё и пальцы резать собрался?!

- Всего один, - сопит недовольноМевр, - для отчётности.

- Чего-о?!

Тут вступается Барыш,

- У нас по бумагам сто человек, столько и доставить должны.

- Ещё скажите, что никто до сих пор не умер? – угу, так я и поверила!

- А, за тех, кто не дошёл, пальцы предоставим! У нас всё строго: сколько померло, столько и пальцев!

Ужас какой-то!

Жестокости в нашем мире полно, но вот такой неприкрытый цинизм встречаю впервые.

- Он же ещё не умер! Рука тёплая! – она горячая на самом деле, у парня жар. - Вы палец отрежете и его на дороге бросите, как труп, на съедение волкам?

- В канаву или к кустам оттащим, ветками закидаем, - палач пожимает плечами. - Чего же дорогу-то хламить? Мы ж не варвары.

- А, что не умер, так это только пока, - добавляет равнодушно Барыш.

Я поднимаюсь к нему, оставляя руку человека в покое, но предварительно грожу надсмотрщику,

- Только посмей тронуть! Он мой!

- Не продаётся!

Глава 4.

Купец достаёт откуда-то из недр необъятного халата книжищу в тиснёном кожаном переплёте, раскрывает.

Там тряпица вложена, а в ней тонко отточенный грифелёк. Берёт его толстыми пальцами и, помусолив, рисует на страничке палочку, а я сую любопытный нос. Он захлопывает, но, что надо, увидеть успела.

- Да у вас там не меньше дюжины покойников уже!

- И, что с того? Убытки заложены в план, - спокойно убирает свой талмуд обратно в карман, - сколько мертвяков, столько пальцев.

- Значит, продать его не можете, а убить можете? – наступаю на купца.

Откуда что и берётся! Я ему до подбородка, не выше, и в ширину меньше четверти, но жажда справедливости так распирает изнутри, что чувствую себя огромной, страшной, пугающей!

И, видимо, эта жажда перерождается в какую-то осязаемую силу, потому что Барыш опасливо отступает и начинает оправдываться,

- Господь с Вами, премилостивейшая госпожа! Не убиваем! Он сам помрёт, а нам всего-то надо мизинец для отчёта отрезать. Думаете, вырученные за рабов деньги, все наши? Как бы не так! Есть, кто поглавнее нашего будет! – и в глазах благоговение с опаской вперемешку. - А ещё надо в Риголее хорошего товара набрать и на корабли доставить. За всю возню наша толика не так уж и велика. А он-то спросит, - указующий перст кверху, - «Где деньги, Барыш?! Почему так мало купил всякого добра на продажу?» Вот я ему и покажу пальцы! Он сочтёт, сколько невольников продано, а сколько умерло по дороге!

Мелькнула соблазнительная мыслишка, отдать им этот несчастный мизинец. Пускай забирают, мне загрузят в двуколку живой труп без пальца, а я заплачу им пару монет. В конце концов, всего лишь мизинец, какой с него толк? Не руку же по локоть оттяпают! И всем будет хорошо, я не обеднею с грошей, у Барыша и палец останется для отчёта, и всё-таки хоть малый, но доход, и парень не помрёт от такого пустяка. Этот последний на ладони палец даже ни для какого дела не нужен.

Но тут откуда-то просыпается и останавливает совесть и жалость к погибающему человеку! Всем хорошо, а ему-то плохо! Невольно шевелю своим мизинцем и представляю, как бы мне его сейчас покоцали! Даже больно стало! Ну уж, нет! Мозг начинает лихорадочно соображать и выдает замечательную идею, а я вслух повторяю,

- А, давайте-ка вы у очередного своего мертвеца отрежете мизинцы с обеих рук, а этого продадите мне, - вытаскиваю кошель с монетами, - со всеми пальцами.

У Барыша в глазах любопытство, верно спросить хочет, с чего бы богатой молодой барышне возиться с полудохлым рабом, но я так хорошо и упорно позвякиваю серебром в кошеле, что он теряет мысль и спрашивает другое,

- Сколько дашь?

И мы начинаем торг.

- Поскольку вы окончательно испортили интересующий меня товар, то я, так и быть, облегчу вам участь от него избавиться, а покупаю только палец с трупа, для вашего прикрытия, то одной монетки вполне хватит.

- Пять!

Барыш явно сдурел, но я на поводу не иду,

- Две: одну тебе за волнения, и одну Мевру за то, что стащит этого покойника до моей брички! Других предложений не будет! – разворачиваюсь и делаю вид, что отправляюсь к своему транспорту. Не оглядываюсь, вид равнодушный, но и не спешу. Пускай решаются.

- Постойте, госпожа хорошая! – правильно рассчитала.

- Стою…

- Будь по-Вашему! – тянет руку за деньгами. - Но придётся ещё одну добавить!

- За что?

- За молчание. - Поясняет, - пленника продать можно только на официальных торгах, чтобы дать ему статус раба.

Логично. Я о таких тонкостях не подумала. Но чего уж, теперь без вариантов.

- Сначала погрузите его ко мне, потом деньги.

- Тащи этого заморыша, Мевр! – Оглядывает другие подводы, - эй, парни! Керн, Абир! Присмотрите за товаром пока!

Появляются два дюжих бородатых молодца. Не разглядываю, гордо возглавляю процессию до моей двуколки.

Следом увивается торговец,

- А, позвольте, всё-таки узнать, на кой вам сдался труп, госпожа?

И что отвечать? Пожалела? Или, что спас меня? Так не поймёт, ещё и цену взвинтит.

Ничего не придумываю лучше, чем сказать,

- Посажу на цепь, да дрессировать буду! Уважению учить! – смеюсь, изображая всё пренебрежение, какое смогла выдавить из себя, а сама оглядываюсь на замыкающего процессию Мевра. Уж больно грубо он тащит мою, без пяти минут, собственность, спину раненую тревожит.

- На всё Ваша воля хозяйская, - соглашается Барыш, не дивясь на мои извращённые идеи. Мало ли таких мерзких господ-самодуров он повидал? Зато сообщает очень ценную мысль, - вам его ни продать, ни людям показать! С сего момента, парень - покойник. К бумагам палец приложится, и человека со счетов сбросить придётся.

- А, не страшно, - бросаю равнодушно. - Если помрёт, и мне отвечать не за кого, нет человека и не было никогда.

А сама-то думаю: будущего у парня никакого. Впрочем, никакого и так нет. Не я, так выкинули бы в канаву.

- Действительно! – соглашается купец в предчувствии скоро пополнения бюджета.

А мне надо кое-что узнать,

- Скажи хоть напоследок кто таков?

Он снова лезет в книжицу, что-то там листает, слюнявя палец, а потом, подумав, сообщает,

- Кажется, Исмаэль… Да, точно, Исмаэль – телохранитель принца Давуда.

- Но, как же так! Принц-то мёртв!

- Вся династия пала, - подтверждает Барыш, - некому престолонаследовать.

- А, телохранитель в живых остался?

- Кому нужен охранник, коли охранять некого? Не вешать же всех подряд, кто прежней власти служил?

- И то, правда…

Глава 5.

Несколько месяцев спустя

- Госпожа, Северина, простите за беспокойство, но там прибыл господин Огустен, а с ним слуга и раб на верёвке, - моя служанка Марица взволнована, глаза круглые.

- Эх, умеет батюшка сюрпризы преподносить, - отставляю чашку с ароматным чаем.

Не люблю, когда вечернее чаепитие кто-нибудь нарушает. В час созерцательности и покоя меня даже прислуга не тревожит, знают, что любуюсь закатом и наслаждаюсь пейзажем. Но отец – святое! Хотя ни разу ещё не было, чтобы его визит закончился по-доброму. Чего ни коснись, пытается поучать и командовать, никак не может понять, что время его власти надо мной закончилось. Я, конечно, за рамки приличий не выхожу, но всегда напрягаюсь от его нежданных появлений. С чего это вдруг сорвался на ночь глядя?

Да ещё и раба приволок зачем-то? Конечно, господин Кристополус без охраны из дому не выходит, но раб – не охрана.

А это оказался Исмаэль! Тот самый парень, который меня спас! Всё вспомнила! Как я его практически трупом привезла в родительскую усадьбу. Как выхаживала несколько дней и ночей подряд, пока раны от плети кровили и воспалялись, чем вызвала полное негодование отца,

- Что за блажь такая? Али мужика не хватает? Так замуж выйди! Или мне подыскать жеребца порезвей? – вот это откровенность! Никогда, ничего подобного от папеньки не слыхивала!

- Спасибо, не надо! Уже подыскал однажды… рысака!

- Так самазаведи! Неужто во всём имении не нашлось умелого любовника, что так за рабом ходишь?

- Папа, что ты говоришь?! Да я, кроме Корнелиуса не знала ни одного мужчины!

А если по-честному, то вообще, ни единого, так как моего ветхого супруга мужчиной можно было назвать с большой натяжкой, так полапает, да измусолит, а толку… Бедная Лусинда! Как вспомню наши супружеские игры, так тошнота подкатывает, наверное, папочка такой же герой-любовник!

А он тут, как тут,

- Оттого и маешься дурью! Купила мертвяка, а теперь в лекаря вздумала поиграться! Поди прочь, я рабыню пришлю, она отмоет! Да коновала вызовем завтра, ужо поправит твоего бесценного!

- Не надо никого звать! Я сама!

Почему я сразу решила опекать Исмаэля и не дала никому его лечить? Наверное, хотела насолить отцу с его домостроем, возможно чувствовала вину, что парню перепало ни за что из-за меня, ну и за спасение, разумеется, а может и ещё что-то. Я тогда не поняла.

Отец отказался пустить его в дом, и я всё время проводила во флигеле, где расквартирована чистая прислуга: управляющий, кухарки, горничные, и несколько ближайших слуг под руководством Гонзо.

Исмаэль бредил, что-то бормотал потрескавшимися губами на непонятном языке. Я поила его водой и смачивала горячий лоб. Иногда, приходя в себя, он глядел воспалённым взглядом своих невероятных глаз и, видимо, не понимал, где находится, и кто рядом с ним. Мне больно было смотреть на него такого! Душа обливалась слезами, словно, он близкий, любимый человек.

Что со мной случилось? Что с ним-то, и так ясно. Молодой мужчина, сильный, красивый, просто волею судьбы оказавшийся не на той стороне войны, вынужден принять статус пленника, а затем, раба и возможно, вот так бесславно закончить свои дни.

Он крепко держал горячей ладонью мою, словно цеплялся за неё, как за последнюю нить, удерживающую его на этом свете. Я молилась, заклинала Господа и решила, что, если только подарит милость и сохранит жизнь моему спасителю, то сделаю всё возможное, чтобы добиться его освобождения.

Когда на следующий день по призыву отца, всё-таки, явился коновал, то стало полегче, появилась надежда. Осмотрев пациента, он выдал микстуру, прикинув сколько капель разводить на стакан воды, так как снадобье было рассчитано на лошадей, которых сильно загоняют на бегах, нещадно лупя вожжами, и склянку с пахучей дегтярной мазью, того же назначения.

Вооружившись лекарством, я стала заботиться об Исмаэле ещё сильней, слуги шептались, а отец больше не совался, понимая, что только сделаю ему назло.

И когда, болящему полегчало, предложил,

- Не таскай его за собой, парень ещё слишком слаб! Как поправится, я сам тебе его доставлю. - А узнав, что Исмаэль из пленных, и вовсе озаботился, - опасный раб! Ничего не знает о покорности, как служить господам! К воле привык. Такой на тебя и руку поднять может! Или придушит в тёмном углу!

- Не говори ерунды, папа, он спас меня! – уверила, но, видно, не убедила.

- Как волка не корми, а собака покладистей! – ответил заботливый родитель. - Вот сделаю из волка собаку, тогда и получишь своего Исмаэля!

В чём разница между волком и собакой в отцовской аллегории, я тогда особо не вникала, а то, что таскать раненого человека по дорогам не стоит, понимала прекрасно, поэтому согласилась.

Напоследок, отец попросил оставить купчую, так что пришлось выкручиваться,

- Дома она, - поверил ли? Вряд ли.

Сказал,

- Покажешь…

А потом закрутили заботы, и я всё откладывала. Поездка в столицу, потому что каждый уважающий себя землевладелец, собирающий большие урожаи зерновых и прочих культур, осенью должен отправляться на главную хлебную биржу, чтобы заключить договора о сбыте. Найти выгодные сделки по покупке сельхозинструмента и качественного скота. Посетить выставки лучших достижений народного хозяйства, гордо покрасовавшись рядом со своими рекордами, нанести визиты вежливости знакомым и побывать на ежегодном осеннем балу, будь он не ладен!

Потому что обидно право, просиживать с пожилыми девственницами в углу. Разве что, какой-нибудь негодящий кавалер и пригласит на тур вальса, не более. А ведь я красотка. Только всё равно стороной обходят женихи. Будто проклятье на мне. Хотя невеста я богатая, деловая, успешная.

Так пролетел месяц, а вернувшись в имение, получила известие от отца, что раб отлично прижился у него в поместье, и нечего таскать его туда-сюда. Но я хотела забрать, а потом эта чёртова лестница…

Как отлежалась, пора было снова готовиться к посевной. Риголея расположена в ровном климате, тут круглый год заботы. Исмаэля среди них в моей ушибленной голове не нашлось. Натолкнуть, напомнить некому, что надо бы проведать подопечного, а не верить на слово папочке, ведь радостью покупки ни с кем не поделилась…

Глава 6.

А ведь я ему обещала, что, как поправится, сразу заберу. А ещё дала надежду, что придумаю способ добиться вольной. Как это сделаю, не представляла, но была уверена, что получится. Не зря же выжил, значит, Господь благоволить будет и дальше!

Он всё время молчал, слушал или нет, не знаю, но я заверила,

- Всё будет хорошо, Исмаэль! Ты не раб! Не забывай об этом!

А сама о нём позабыла. И обещание не выполнила!

Зато отец преуспел! Выполнил своё! Да так, что я его не признала! Вот и привёл мне на поводке собаку вместо волка! Вместо воина-телохранителя, коим он был в прежней жизни!

- М-да! И, что прикажешь с ним делать? – обращаюсь к папеньке, выйдя из оцепенения и всячески скрывая заинтересованность.

- А пойдём-ка, милая, поговорим с глазу на глаз, - улыбается.

Скорей бы закончить ритуальные пляски, да проститься с добрым папочкой, об Исмаэле душа болит! Но надо быть воспитанной дочерью и гостеприимной!

- Выпьешь чаю, пап?

- Охотно!

Мы поднимаемся в дом, шустрая Марица, не ожидая распоряжения, бежит на кухню, отдать наказ, чтобы накрыли в гостевой зале.

- Ну, так что там за секреты? – интересуюсь, кроме дворецкой нет лишних ушей, а она занята.

- Дочь моя, ты взрослая женщина, двадцать пять – солидный возраст, и я могу быть с тобой откровенен, - папа становится серьёзным, а я напрягаюсь невольно.

- Я слушаю!

Тут появляется Марица с широким подносом, выставляет на столе сладости, которые специально держу для дорогого гостя, уж больно он любит разные зефирки, да фрукты с орехами в сахарной пудре и сиропной карамели. А за ней Веста с горячим чайником.

Когда девушки, накрыв стол, исчезают, заботливый родитель продолжает,

- Так вот, дочь, ты не последняя фигура в государстве, твои богатства у всех на виду, а то, как мастерски приумножаешь их третий год, не прошло мимо внимания многих.

- Так что мне теперь, прятаться?

- Не горячись, Северина! Наоборот, я с благой вестью! – вот это уж точно напрягает! - Сам его Величество озаботился твоей судьбой и возжелал найти подходящую партию! – отцовское лицо сияет, как медный таз. Того гляди лопнет от гордости.

Он хрустит орехами, а мне не до вкусностей,

- Спасибо, не надо! – не хватало ещё, чтобы мне следующего дедушку сосватали. Одного схоронила быстро, но во второй раз так ведь может и не повезти. И богатства я как-нибудь приумножу сама без замужества.

- Ты от высокого покровительства отказываться не спеши, тем более, сие невозможно. Не волнуйся, пока нет ещё достойного кандидата на примете, вот развлекайся с постельным.

- Может, я сама подыщу? – даже не собиралась, но из чувства протеста и то хочется.

- Так не решится ни один жених посвататься без королевского благословения, - усмехается папенька.

- Значит, вот почему от меня мужчины шарахаются, словно черти от ладана?! А это мне игрушка, чтобы не выскочила замуж без высочайшего благословения? – язвлю.

А он на полном серьёзе,

- Можно сказать и так. - Продолжает деловым тоном, - раб выучен всему, можешь смело пользовать по любой нужде. Понимает в премудростях любви, по мужской части полноценен, но есть одна загвоздка…

У меня уши сворачиваются в трубочки, уже заткнуть хотела, хотя последняя фраза интригует.

- Что за загвоздка?

- Чаем специальным надо поить перед актом, а иначе, упорствует! – оправдывается мой заботливый родитель. - Уж и так, и этак, держали на голодном пайке, в этом самом смысле, - игра слов, но понятно, на что намекает. - Ни в какую! Хотя видно, что сдерживается, но несговорчив. А супротив чаю не попрёшь, хоть камнем будь!

- Вот оно что! А зачем же заставляли-то? – заняться больше нечем что ли людям?

- Так надо было проверить его возможности, чтобы поднаторел кое в чём, прежде чем тебе передавать. И знаешь, в парне ты не ошиблась! – Выдаёт нехорошую улыбку, - тот ещё жеребец! Хотя, можно было и попокладистей найти, но я уважаю твой выбор. В постели должно быть удовлетворение, так что на свой вкус полагаться не стал.

Интересное умозаключение после того, как выдал меня замуж за противного старца.

- Давно ли такие светлые мысли тебя посещают, дорогой отец? Где они витали, когда я с Корнелиусом под венец шла по твоему приказу?

- Ты, дочура, не путай постное с пресным. Одно дело муж законный, и совсем другое – любовник для свободной женщины. Ну, а коли уж потребовалась тебе игрушка для энтого самого, так я просто её немного подготовил.

Интересно, с чего он взял, что мне потребовалось? Но об этом даже говорить не хочется. Веселей другое,

- Сам?! – я брежу? Это мой папа говорит?

- Тьфу на тебя! Охальница! – машет руками. - Вот язычок остёр! – покатывается. - Есть мастера, куда уж нам с одним-то лёгким! – любимая отцова поговорочка, а меня потряхивает!

Но ругаться без толку, уверять, что не затем я его выкупала, не стоит, пускай думает, что хочет. Так подозрений меньше. И, всё же, тему лучше сменить,

- В остальном, всё нормально? Ничем не болен?

- Ничем! – заверяет удовлетворённо, - но…

- Что, но?

- Приглядывать за ним надо, дочь! За полгода бежать пытался трижды, а уж сколько раз руки на себя наложить, сбились со счёта!

- Это вы ему такую жизнь устроили, что не мила стала?

- А, как иначе? Все бывшие вольные проходят особую школу, чтобы обрести должное послушание.

- Ох-хо-хо! – страшно подумать, что за дрессировка. Как вспомню, чем баловался мой покойный супруг, волосы встают дыбом… даже там, где их нет!

- Но ты же не живодёр, папа? – не помню, чтобы отец испытывал удовольствие, мучая подневольных.

- При чём тут живодёр, не живодёр? Просто, надо было кислую шерсть повытрясти, послушание привить, а этого без кнута не добьёшься.

- Чудесно папенька! – будь ты не ладен со своими воспитательными мерами.

Исмаэль, Исмаэль, что же мне с тобой делать?..

А отец подаёт красивый плоский футляр тёмного дерева, размером с мою ладонь,

- Вот, ещё кое-что.

- Что это?

- Чуть не забыл! – хлопает себя по коленям, а во взгляде, что-то такое подозрительное проскальзывает!

Открываю: на бархатной синей подушечке узкий золотой браслет с изящной подвеской в виде ключика,

- Красота какая! – восхищаюсь! По всему ободу резьба гранями, перевивается, ловя солнечные лучи, течёт, словно змейка! – Батюшка подарок-то до чего мил! – Куда и обида уходит, - знаешь ты толк в женских штучках! Ох, уважил!

- Не прост подарок, - отвечает таинственно. - Давай-ка помогу надеть, там замочек хитрый.

- Помоги! – подставляю запястье.

Застегнул, а я не могу наглядеться,

- Надо же! Впору! А ключик какой занимательный! Ох, батюшка и затейник у меня! – кидаюсь целовать.

Он ласково обнимает, радуется, что угодил, и добавляет,

- Пошли, покажу, где замочек от ключика.

- А разве это не просто украшение?

- Говорю же, подарок не простой, - а взгляд у батюшки немного лукавый.

- Так ведь ключик-то очень мал, разве сыщется к нему замок с такой скважиной? Это всё равно, что блоху подковать!

- Есть такой, пойдём! – допивает чай, закинув в рот горсть засахаренных ягод, и увлекает меня на выход.

А там!

Глава 7.

У парадного уже собралась любопытная толпа. Окружили бедолагу раба и жужжат! Старший конюх Николас откровенно насмехается,

- Ну-ну! Герой любовник! Что-то дохловат, никакой стати! – ему вторит кузнец Василис,

- Так поди вся стать в портках! Глянь, какие широкие!

- Может, стащить их, да проверить, стати-то? – и сами ржут, как кони.

А кухарки Веста и Марта жалеют бедолагу,

- Морной какой!

- Видно, не кормили вдоволь, вот и отощал! – и пальчиками по груди водят, по усохшим бицепсам, по впалому животу, вдоль выпирающих рёбер, типа проверяют, насколько парень заморён.

Гонзо лишь посмеивается в кулак, и представлению не препятствует.

Швея с прачкой тоже лапки тянут, всем хочется потрогать хозяйскую игрушку.

Понять можно, красивый он. Хоть и худой, хоть и замученный, но красивый! Никуда мужское начало не делось. Сухие мышцы вздуваются от напряжения жгутами, губы уже искусал все, глаза зажмурил от стыда, но не может ни отпора дать, не отстраниться. Потому что злодей Гонзо, почувствовав себя хозяином положения в отсутствие господина, перекинул конец верёвки рабу за спину, обмотав запястья, и так стянул, что волей-неволей, любое движение руками превращается в смертельную удавку, конец которой привязан к ошейнику.

Ускоряю шаг, и плевать, что батюшка рядом, пора прикрыть лавочку! Раб принадлежит мне!

- Цыц! Хозяйка идёт! – взвизгивает Марица, зеваки мигом расступаются, расходясь по своим делам.

- Вот-вот! Вместо того, чтобы освободить человека, смеётесь, да издеваетесь! – ворчу на слуг. Но они же теперь птицы вольные, могут и ответить, невзирая на то, что отец мой довольно высокого положения в обществе, он же им никто,

- Какой же это человек, хозяйка? – смеётся Василис, - он раб!

- Да, что ты говоришь? А сам-то давно ли перестал таковым быть? – вот и сей разумное, доброе, вечное! Нет бы посочувствовать, а они уж вознеслись! – недальновидные люди, память ваша короче коровьего хвоста! А, ну-ка, Гонзо, распутывай верёвку, не видишь, пальцы уже посинели у человека! – делаю упор на последнем слове.

Очень хочется самой кинуться, да развязать его затёкшие руки, снять жёсткий ошейник, давящий на горло, сказать что-нибудь ободряющее, что всё плохое позади, что никто его здесь не обидит, и что, в конце концов, найду способ отпустить его на все четыре стороны!

Но надо держаться достойно, всё же, я – госпожа, да ещё и под отцовским испытующим взглядом.

- Довольно, Гонзо, - разрешает батюшка, и только тогда его верный пёс исполняет мой приказ. Исмаэль трёт затёкшие руки и наконец-то опускает голову.

Не успеваю выдохнуть, как начинается для парня новое испытание, ещё более позорное,

- А сними-ка штаны, раб! – приказывает мой добрый папаша. Я немею от неожиданности, народ, было разошедшийся по делам, тормозит и уже подтягивается обратно, в ожидании любопытных непристойностей.

Исмаэль, понурившись, отвечает глухим,

- Нет!

Я прошу,

- Не надо! Это мой раб, и я сама разберусь, что ему снимать, а что надевать! – но исполнительный Гонзо выдёргивает верёвку, которой подвязаны полотняные брюки. Исмаэль только

успевает подхватить их за пояс, но видимо, сильно невзлюбил его отцовский слуга. Вытащив из кармана короткий нож, рассекает ткань так, что в руках несчастного только пояс и остаётся. Две штанины, каждая по отдельности сползают на гравий, обнажая стройные ноги, а главное то, что над ними! Парень, бросив бесполезную полоску ткани, пытается прикрыться и тут же получает короткий удар по рукам плетью,

- Не сметь! – это уже отец.

Когда же он уедет? Всякий раз нарушает мою идиллию,как только появляется в имении. И спорить бесполезно. Он – власть, потому, что так заведено между нами, хотя фактически я здесь полноправная хозяйка.

Ещё несколько болезненных ударов заставляют невольника отвести руки.

- Что это? – я не специалист по мужским органам, только и видела поросший седыми клоками, ссохшийся перчик у покойного муженька, но то, что открывается взору, и не только моему, это нечто!

Вокруг коллективный возглас! Представляю, как несколько пар любопытных глаз впились в одну точку.

Короткий взгляд на Исмаэля: закрытые глаза, сжатые добела челюсти, напряжённые плечи, руки, сжимающиеся бессильно в кулаки, пересечённые свежими багровыми рубцами.

- Золотая клетка, - поясняет папочка, - одна из красивых вариаций на тему мужского пояса верности. Ювелирная работа, эксклюзив, специально заказал, чтобы только у моей дочурки такая диковинка была.

- Диковинка?! Зачем она мне? И рабу не нужна уж точно!

- Захочешь похвастаться перед подружками, вырядишь его в эту клеть и поставишь на лобном месте, пускай полюбуются, - папенька наслаждается, буквально купается в собственных фантазиях, гордится, - дорогая игрушка, поди-ка украшение подороже раба будет. Кстати, купчую покажи, всё-таки.

Будь она не ладна, эта купчая! Надо сводить тему в сторону.

- А, если я по подружкам не собираюсь его таскать? – у меня их нет ни одной.

- Так и практическая польза есть, - поясняет, - только ты вправе владеть и распоряжаться с кем и когда он может иметь постель, а для того, чтобы не смел впотайку, всё под замком. Ну, что? Хороша игрушка, доченька?

Что ответить?

Что я в очередной раз ненавижу его? Что это мерзко и бесчеловечно? Что этим поступком он в первую очередь роняет мой авторитет перед слугами? Потому что они прекрасно знают, как всё это мне претит, а я терплю!

- Спасибо, отец, я всё поняла, и сама разберусь насчёт постели! – гнев заливает мозги, еле сдерживаюсь, чтобы не заорать. Забираю верёвку у Гонзо, - пойду играться.

- Ну а мне пора, скоро ночь, - отвечает отец и наверняка ожидает, что предложу ночлег в одной из гостевых спален.

Но я не предлагаю,

- Доброго пути, папенька, пусть дорога будет лёгкой, - нежно целую его в щёку, очень нежно и очень быстро, иначе сорвусь. Но ведь ещё и проводить надобно.

Не получив приглашения, папа рявкает на слуг, не сильно скрывая обиду,

- Карету разворачивайте!

- Расходитесь по домам, - распоряжаюсь, как можно спокойней своим, - концерт окончен.

Глава 8.

И специальное поручение дворецкой,

- Марица, подыщи Исмаэлю одежду на первое время, потом закажем у портного по его меркам, - девушка убегает исполнять, а вот отец искрит недоумённым гневом,

- Ты что творишь?! Рабу одёжу шить собралась?

- Собралась, - дерзко, сил больше нет играть роль. Мы идём к карете, отцова охрана чуть поодаль, Исмаэль плетётся сзади, как пёс на верёвке, растянув её на всю длину. А, куда я его дену? Марице на руку намотаю? Или кузнецу с конюхом вручу? Хорошо хоть разошлись все. А папа внушает,

- Думаешь, хулиганства ради я велел снять ему штаны?

- Унизить хотел, - чего тут непонятного, - и хреновину эту нацепил для той же цели. Ещё позорней ошейника.

- Наивная! Я же знаю твои новые порядки и игры в демократию. А такому волку палец в рот не клади. Сразу надо указать его место. Тебе куда уж с ним совладать, вот я и помог.

- Здорово ты помог, папа! Лучше некуда!

- Не благодари, дочура, – мостится в карету, - для тебя старался. – Потом хмурится, - купчую забыл посмотреть! Всё ли там в порядке?

- В порядке, - отвечаю легко. Чёрт, думала, больше не вспомнит!

- Покажешь в следующий раз! – приказным тоном.

- Обязательно!

- Где твоя охрана, дочь?! – только сейчас заметил, что кроме раба при мне никого.

- В своих владениях мне соглядатаи не нужны, - скорей отправляю его.

Помахав вслед, разворачиваюсь к своему несчастью,

- Пошли в дом, там будем разбираться с этим безобразием, без посторонних глаз.

Вдруг он резко дёргает за поводок, да с такой силой, что от неожиданности валюсь на колени, чувствую, как они начинают гореть содранной кожей. Верёвка, намотанная на ладонь, больно тянет руку кверху, и, чтобы не прокатиться лицом о гравий, торможу свободной,

- Исмаэль, стой! – кричу, а он тащит меня в чащу сада, - мне больно, Исмаэль!

Останавливается, нагибается и, вместо того, чтобы помочь подняться, распутывает руку из верёвки, я не выпускаю,

- Что ты задумал? Бежать? Поймают, сдерут кнутом три шкуры и снова в рабство! Это не выход!

- Отдай, - рычит, - никуда не побегу, просто повешусь на ближайшем подходящем дереве!

Мне больно, колени горят, руки горят, душа разрывается,

- Прости меня, Исмаэль! – слёзы сами собой вырываются на волю, тут и обида на отца, и отчаяние, постигающее меня вместе с пониманием, как плохо ему сейчас. - Я знаю, что ты не раб, и не стал рабом ни на йоту!

Он останавливается в недоумении,

- Я виновата перед тобой очень-очень! Нельзя было оставлять тебя у отца. Это жестокая ошибка! Но я исправлю, честно исправлю.

Он не знает, что делать. Я, как неподъёмный якорь валяюсь на земле, не выпуская конец верёвки из рук. Волочь меня силой не решается, ещё и слёзы женские видимо сработали, как на большинство нормальных мужчин. Вот с моим отцом этот номер никогда не проходил.

А Исмаэль встал столбом, потом опустился рядом на колени, опасаясь коснуться, но в желании утешить,

- Больно ударилась? – спрашивает заботливо.

- Больно! – Стоило пожалеть, и я разревелась с новой силой, - прости меня, Исмаэль! Я всё исправлю-ю! – повисаю сама у него на шее. Искренне, конечно, но слегка добавив экспрессии. А как же иначе сбить его с цели, которая меня пугает? Во спасение все средства хороши!

- Поздно, - отвечает со вздохом.

- Исправить никогда не поздно, пока человек жив, всё поправимо! – убеждаю, а сама обнимаю покрепче. Не слова главное, когда надо убедить. Слова соврут, а вот если прижаться, обнять, вложить душу в объятия, такая штука намного толковее помогает. Этому меня старая нянька-рабыня научила. А кому ещё учить таким секретам, коли я без матери выросла?

Только папеньке мои объятия, как об стену горох, старого козла Корнелиуса обнимать и вовсе было противно, а вот Исмаэля хочется обнимать и прижаться посильней тоже, а уж что касается, вложить душу, так она вся ушла в эти объятия!

- Ладно, действительно уже поздно, - оглядывается, - скоро совсем стемнеет. Смерть откладывается на неопределённый срок, - ворчит мой раб, словно я его на рыбалку с мужиками не отпустила. - Вставай, госпожа, - с горьким сарказмом, - помогу до дома дойти.

Снимаю с плеч кружевную шаль,

- На вот, прикройся, не бог весть что, но всё-таки.

- Да чего уж теперь, - отмахивается, однако, подумав, берёт и обматывает вокруг бёдер.

Потом кое-как отвязываю верёвку от его ошейника потому, что не вижу в ней смысла, захотел бы по-настоящему, оторвал вместе с моей рукой и сбежал. А, главное, повеситься не сможет. Мудрёный узел довольно долго не поддаётся, да ещё и не очень понятно впотьмах, как распутать, но волочь его в дом на поводке не могу, это вопрос принципиальный, так что хоть час буду ковыряться, но дело до конца доведу.

Он не спорит, встал на колени, а я сверху копошусь над узлом, и так вдруг важно становится развязать, как будто битву выиграть, но понимаю, что это лишь начало долгого пути к его свободе.

Домой идём молча. Исмаэль поддерживает меня под локоток, колени больно, но вполне терпимо, а вот от такой его заботы отказываться не хочу.

Перед самым выходом на прямую аллею к дому спутник неожиданно тормозит.

- В чём дело? – спрашиваю. А он берёт меня за плечи и ставит прямо перед собой. Сразу видно, что я едва ли дохожу мужчине до подбородка потому, что приходится задирать голову, чтобы взглянуть в лицо.

- Действительно освободишь? – взгляд его внимателен и цепок. Даже в вечернем сумраке видно, как блестят глаза, как требуют честного прямого ответа.

И я отвечаю,

- Я сейчас в твоих руках, Исмаэль, захочешь убить, даже пикнуть не успею, и в моих интересах, просто ответить «Да!» Но врать не буду, - мои плечи зажаты, как в железных тисках, сдавит ещё немного, переломает кости, - не в моих правилах.

- Не ври! – рычит в лицо.

Глава 9.

- Я буду стремиться освободить тебя! Наверное, придётся нарушать законы. Что ж, значит, нарушу. Но поклясться, что освобождение наступит завтра или на днях, не могу. Возможно, год.

- Почему?! – трясёт, как куклу, пытаясь выместить обиды, но мне не страшно в его руках. Больно. И даже не оттого, что сжимает сильно, а от собственного бессилия.

- Потому что уже много нарушено. Ты – живой труп. Призрак без имени и фамилии. Свидетельством твоей кончины стал палец какого-то другого пленника, умершего ещё до того, как его продали в рабство. Барыш, Мевр и я заключили тайную сделку, по которой тебя нет в живых.

Чтобы дать свободу рабу, надо подать прошение в специальный «Комитет по невольничьим делам». Я эту процедуру прекрасно изучила и больше сотни раз выполнила. На каждого раба есть документ, кто он и откуда, со всей цепочкой смены хозяев. Вот в этом самом документе и ставится последняя печать, что человек получил вольную. Последняя, если он сам себя снова не сдаст в рабство за какие-нибудь долги, вместо долговой ямы.

- Зачем ты всё это сейчас лепечешь? - терпение у парня на исходе.

- Затем, чтоб ты знал: у тебя нет такого документа! И, как его заполучить, я не знаю. Пока не знаю…

- Врёшь! Ты говорила отцу, что купчая дома! Я своими ушами слышал! – не верит, злится, ещё на что-то надеется.

- Какая купчая? Сам подумай! Мы встретились на дороге, тебя избил до полусмерти погонщик Мевр – прислужник купца Барыша, а потом ты без сознания оказался в имении моего отца. Где мы могли оформить сделку? Когда и как?

Осознаёт, но не понимает,

- Тогда зачем отца обманываешь?

- Да он законник до мозга костей! Узнал бы, как я тебя заполучила, убил бы и закопал поглубже, и меня не спросил потому, что наказание всем, кто знает и не донёс, нехилое! Зачем ему эти проблемы? Я ж ему не чужая, всё-таки…

Руки Исмаэля слабеют.

Вырываюсь из захвата,

- И убьёт, если узнает…

Он сникает совсем, отстаёт, я окликаю,

- Пошли, жизнь продолжается.

Отчётливо слышу за спиной ругательство на непонятном языке, но в конце шипящее,

- Ненавижу!

- Имеешь право, - бросаю не оглядываясь.

Прохожу остаток шагов до крыльца, поднимаюсь и жду, когда он решится. Потоптавшись в сомнениях, всё же идёт следом за мной в дом.

Марица тут как тут,

- Куда Вы пропали, госпожа? – Увидев, что хромаю, - что с Вами, госпожа?!

- Много текста! Иди-ка распорядись, чтобы парня накормили, как следует, швее накажи, чтобы выбрала чего из запасов, да подогнала под его худобу. Не голым же ходить человеку.

- Уже! – рапортует. Исчезает буквально на минуту, увлекая за собой Исмаэля, - пошли, раб!

- Госпожа, а куда селить будем? – Мигом возвращается и продолжает закидывать вопросами, - у нас больше нет рабских бараков, их переоборудовали в свинарники. Не к свиньям же его?

М-да, задала задачку. Все вольнонаёмные у меня проживают в отдельных коттеджах на территории имения, кто семьями, кто небольшими коммунами, а когда женятся, предпочитают отделиться.

В коммуну к мужикам его отправить? Там отношения давно сложились, да и подбирались люди не абы как, а по родству и дружбе.

Да ещё папочка присматривать посоветовал. И кому я это могу поручить? Ответ приходит сам-собой,

- Себе! – сказала вслух.

- Что?! – Марица ушам не верит, - Вы хотите, чтобы я взяла себе раба? Госпожа, смилуйтесь! У меня же Василис! Мы свадьбу хотим играть! – девица аж за голову схватилась.

Надо из положения выходить. Так-то спален полно. Целое крыло пустует. С тех пор, как муж умер, не бывала на северной половине. Но Марица следит за порядком, периодически засылая туда горничных смахнуть пыль. Только его одного не оставишь.

- Ну, если отказываешься, то ничего не остаётся, как выделить парню гостевую спальню в доме… рядом с моей, - представляю, что обо мне подумала дворецкая.

Судя по наливающимся румянцем щекам и сбегающим в сторону глазам, а ещё мерзкой улыбочке, которую она пытается задавить в зародыше, то самое и подумала!

- Я поняла, госпожа, будет исполнено! – пищит сдавленно.

- Ничего ты не поняла, Марица! – говорю, как можно строже. - Когда найду подходящее решение, поселим отдельно, а сейчас, если к мужикам в коммуну, то засмеют его там, понимаешь? Видела, как твой Василис козырял? А Николас?

Служанка кивает

- Ну вот! Так и до драки недолго. А мне распри среди народа не нужны!

- Так дайте ему вольную, госпожа!

И эта туда же! Лицо Марицы озаряется радостной улыбкой, думает, нашла отличный выход. Можно подумать, я бы не сделала этого! Только как? Он же умер по всем документам, человек – невидимка!

Когда я заявилась в имение к отцу с полумёртвым рабом, он сразу спросил,

- Где взяла?

- С аукциона, - ответила, не моргнув глазом, - да вот, попал под горячую руку!

- Хорошо, что с аукциона.

А потом объяснил, что с этих аукционных торгов большой процент идёт в казну государства. Получается, что я нарушила закон, выкупила раба за гроши в обход, а Барыш получил незаконный доход. Ещё и афера с пальцами вскроется.

Что за это будет? Лучше даже не думать! Отец рассказывал, что с покупателя нелегального раба штраф в казну – половина имения, чтобы другим неповадно было. А продавцу руку отрубают, чтобы значит, деньги государственные не разворовывал, и свидетелей, не донёсших на нарушителей, тоже кара ждёт.

Ну уж, нет! Никому не скажу, от отца скрыла, а от Марицы, тем более.

- Никакой вольной ему не будет! – отсекаю идею. - И вопросов не задавай!

- Дело Ваше, Госпожа, - кивает, и вновь читаю на лице служанки нехорошие мысли.

Наплевать! Пускай, что хотят думают, но до правды никто не дознается!

- Горничная пусть спальню слева от моей подготовит, да воды согреет для купания.

- Слушаюсь, госпожа! – исполнять метнулась.

- Стой! Запомни и всем скажи: звать его Исмаэль! Не раб, не хозяйский любовник, а Исмаэль! – Добавляю для острастки, - кто ослушается, из имения выгоню!..

Глава 10.

И, что теперь делать? Права народная мудрость: не было печали, купила баба… раба!

Моя деловая дворецкая раззвонит всей округе, что хозяйка поселила подле себя невольника для плотских утех. Да и звонить не надо, некоторые сами увидели!

Сидела-сидела и высидела! Нет бы замуж снова пойти, как нормальная женщина, а ей подавай постельного!

А мне никого не надо, ни мужа, ни любовника! Сыта по горло супругом своим покойным! Поглумиться надо мной успел изрядно. Так, что отворотил от любовных утех навсегда. И радости быть любимой женщиной, видно, познать не суждено.

Разве что, детишек хочется. Как погляжу на ровесниц, все при месте, все в хлопотах, у которой один младенчик, а которая уже и второго нянчит, или даже третьим на сносях.

И за что папенька так меня наказал? Неужели приличного мужа с богатством бы не нашлось, кроме старого козла Корнелиуса? Да и фиг бы с ним, если бы с ребёночком помог. Уже бегал бы пострелёнок по усадьбе, ну и что, что папа – дедушка, зато я бы так его любила, так тетешкалась!

Ведь и помер мой дряхлый мустанг по этой самой причине. Решил-таки доказать, что ещё о-го-го! Точнее и-го-го!

Я бы потерпела, дитя важней, чем десять минут нелепой возни и слюнявых поцелуев беззубого рта, только исполнить задуманное Корнелиус не успел.

- Старый конь борозды не испортит! – с этим заклинанием испил какого-то снадобья из флакона, что вытребовал у Миринды – местной травницы, и почувствовал себя резвым скакуном! Ну и заскакал. Но видно, загнанных лошадей и вправду, пристреливают, иначе, сдыхают они очень некрасиво.

После очередного скачка мой конь, резко всхрапнув, вдруг опал, как куль с навозом, и замер.

Подождав немного, позвала,

- Корнелиус? Корнелиус, ты живой? – тишина и тяжесть обмякшего тела ответили, что вряд ли.

Спихнув глыбу с себя, перевернула вверх лицом. Ну, так и есть, глаза закатились, губы синие, дыхания нет…

- Хорошая смерть, - шепнула Миринда, когда я поделилась с ней секретом внезапной кончины супруга, после приёма её чудо-зелья. А потом добавила, - поздравляю, госпожа!

И я ответила,

- Большое спасибо, - ещё не совсем понимая, что не было бы счастья, да несчастье помогло.

И это несчастье – наша с травницей большая тайна.

Все думают, что славный Корнелиус преставился, перебрав молодого виноградного вина. И то верно, пьяная смерть куда достойней. А что этот старый хрен просто пережил свой век, никто и знать не хотел!

Но мне теперь не важно. Спасибо Миринде!

То ли дело - сама себе хозяйка! Денег вдоволь, земля даёт отличные урожаи. Новшества, что постоянно претворяю в жизнь, увлекают всё больше и больше. На последней выставке народного хозяйства моя пшеница первое место по качеству заняла, а вино с местных виноградников – второе! Вот надо поработать над вином ещё! Я не я буду, если в следующем году первенство не возьму по розовому столовому!

А тут, какой-то невольник!

Сижу у окна, чай остывший допиваю, на сбитых коленях холодные травяные примочки. Пытаюсь любоваться на последний солнечный луч, уходящего за горизонт светила, и ломаю голову, как мне себя вести со слугами и, главное, с Исмаэлем? То, что он затаил обиду и не верит мне ни на грош, ясно, как Божий день. Что ж, заслужила. Но всему своё время.

Он наверняка уже поел и должен быть отправлен в апартаменты, которые станут его жилищем на ближайшее время. Не хило свезло парню, может, остынет, успокоится?

А если нет?

Что-то страшновато! Посторонний мужик по соседству, что у него в голове, вообще, не представляю. А что люди скажут, и того дурней:

«Графиня Северина Краулис совсем свихнулась! Сначала рабов освободила, они все у неё вольные личности, а теперь ещё и селить их стала в господском доме, как ровню!»

Как бы это мне не стоило вызова в Королевский суд! Хоть я и полновластная хозяйка в собственном имении, но традиционные устои попирать нельзя. На них государство держится. Могут даже показательное наказание придумать, отбивая охоту к самовольству у законопослушных подданных.

И какой выход?

Ответ напрашивается сам,

- Выход был тогда, когда я забирала его у Барыша! – уже сама с собой беседы веду, вот, как впечатлило!

Не забери, и проблемы бы не было. Но дело сделано, и как ни крути, хоть и раб, но живой человек. Куда его теперь девать то?

Разве что…

Да! То самое «разве что!» Поселить возле себя в качестве любовника! Эта выходка нашему традиционному риголейскому обществу будет понятна вполне. Один клуб по интересам «Весёлая вдова» чего стоит! Меня тоже туда звали, вроде как, для обмена опытом. Знаю я их опыт! Там всем заправляет вдовая баронесса Ортис, по слухам владелица мужских борделей. Так что можно представить, каким опытом обмениваются члены того клуба.

Так что наличие постельного раба у двадцатипятилетней одинокой женщины – не такой уж страшный криминал.

Посудачат, само собой, но привыкнут и забудут, я тут не одна такая весёлая вдовушка. И обойдётся всё без последствий. Постель мою проверять никто не полезет, а репутация не сильно пострадает. Наоборот, ещё скажут:

«Ну наконец-то! Как все нормальные люди! А то не от мира сего женщина!..

Ладно, это всё лирика! Как быть с соседом и чего от него ждать?

Вот уж любовных утех точно не надо! Мой славный покойничек отворотил меня от этого дела так, что и представить тошно, не то что участвовать. Хотя, няньки сказывали, что есть удовольствие в сём процессе, да ещё и какое. Но внимания Корнелиуса я всегда пыталась избегать, а про удовольствия врали, наверное. Что может быть хорошего в этаком непотребстве?

Глава 11.

Но моему невольнику вряд ли это нужно после папенькиных уроков, а вот грохнуть ничего не стоит. Прокрадётся ночью в мою спальню, горло перережет и глазом не моргнёт!

В доме постоянно дежурят двое крепких парней-охранников по очереди: один спит, другой бдит, потом меняются. Раньше десяток было потому, как мой деспотичный старец опасался народного недовольства и погромов на этой почве. Даже решётки на окнах понаставлены. Они конечно красивые, витые, с цветами, листьями, но всё же, решётки.

Впрочем, сейчас будут не лишними, а то, не ровен час, беглец попытает удачу! А когда его поймают, что совершенно очевидно при существующей системе контроля, вскроется вся история с незаконной покупкой…

Совсем стемнело.

- Госпожа! – заглядывает Марица, - я вам лампу пришла зажечь, хватит сумерничать.

- Спасибо, дорогая, я и не заметила, как солнце зашло.

Пока служанка подливает керосина, да поджигает фитиль, начинаю расспросы по горячей теме,

- Что там наш гость?

- Приодели. Велико всё, но лучше тех порток, в которых сразу явился.

- Накормлен?

- Марта расстаралась, накрыла честь по чести, будто и не рабу, а работнику, не попрекнула ни словом, ни взглядом, - жалуется дворецкая. - Да только отказался он! Морду отворотил, будто помоев налили! Так и ушёл в свои комнаты, не жравши!

- Так не годится! Странно… Болен, что ли?

Уж, ясное дело, что у батюшки моего еда хуже была, да и то не вдоволь. Знаю его прижимистую натуру, тем более, в отношении рабов,

- Пойти, поговорить с ним?

Поднимаюсь, не особо хочется, особенно после того разговора, что у нас состоялся. Но надо же обрисовать ему правила рабовладельческого общежития в моём доме. Самой бы ещё их уяснить.

- Не боитесь, госпожа?

Вот глупая, конечно, боюсь! Только страха показывать не собираюсь, иначе, какая я хозяйка?

Вдруг звон битого стекла!

- Ай! – подскакиваем обе.

- Неужто кто-нибудь из местных камнем запулил в окно!

Не было ничего подобного с тех пор, как освободила народ, и вот, нате вам!

Потом, думаю,

- Нет! Внутри звук, в комнате слева!

Подхватилась и рванула в соседние апартаменты! Марица за мной,

- Начинается! Это, что дикого кота завести в достойном доме, вместо мурлыкания и сладких почесушек, получишь сплошной вандализм да драные шторы! Вот чего ждать от такого гостя?

- Лампу возьми! – отправляю служанку назад.

А сама,

- Исмаэль?! – врываюсь к нему. Солнце скрылось, в комнате мрак, не сразу понимаю, что, где! Пробегаю вглубь, по ногами треск битого стекла. – Ты разбил зеркало?!

Озираюсь по сторонам и не сразу замечаю его в углу возле окна.

- Что ты там делаешь?!

В это время влетает дворецкая с лампой, и оба охранника. В освещённой комнате море крови! Весь пол укапан, осколки зеркала ломаются с мерзким хрустом под подошвами габаритных мужчин, и мой новоиспечённый раб злорадно улыбается в углу с опущенными руками, по которым струйками стекает кровь и капает на пол.

- Ты сошёл с ума?! – кидаюсь нему, не добегаю.

Уважительно, но твёрдо меня отстраняет Алексис,

- Не надо, госпожа, не знаем, чего от полоумного ожидать! – и они вместе с Михаэлисом пытаются скрутить раба. Хватают за локти, но он и так никуда не бежит, просто стоит, его улыбка напоминает оскал хищника, загнанного в угол. А по ладоням струится кровь!

- Подними руки, иначе вся вытечет! – прошу, но тщетно.

Охранники пытаются насильно задрать его руки кверху, каждый со своей стороны, перехватив повыше локтей и, брезгливо избегая касаться запястий, которые зияют широкими алыми ртами.

Он сопротивляется, и несмотря на то, что худее их вдвое, им никак не удаётся с ним совладать.

Тут появляется Марица, сообразившая раньше всех, что делать и, уже сгонявшая за чистой простынёй,

- Вот, госпожа! Порвём её на широкие ленты и руки этому самоубийце перевяжем! – Потом добавляет ворчливо, - вот дурила! Попал в рай, а не ценит!

Дурила и, правда! И как быть?

Пытаюсь увещевать,

- Исмаэль, в моём доме тебе ничто не угрожает. Будешь спокойно жить, не зная ни в чём нужды. Никто не желает тебе зла. Позволь нам перевязать руки, пока ещё не поздно!

Он, кажется, слушает, а потом сообщает глухо и уже без улыбки,

- Поздно, госпожа… слишком поздно…

Вглядываюсь в его красивое бледное лицо, в глаза, а там… Бездна боли.

И вдруг тону в ней! Не сразу, но словно, сквозь незримую преграду, которой отгорожена ото всех, проникает длинная тонкая игла и начинает колоть, вращаться, вбуравливаясь в сердце, расшатывая, расширяя брешь в личной защите, обнажая живую, чувствующую человеческую душу, спрятавшуюся где-то глубоко-глубоко, чтобы не мешать жить, вернее, выживать сначала в ненормальном браке, а потом очень хорошо окопавшуюся под несколькими слоями защиты, обжившуюся, да так и схоронившуюся невостребованной.

Я научилась жить без души, вернее, по правилам: на лице маска добродетели, поступки правильные, поведение, заслуживающее уважения, достойная репутация, а на первом месте – воплощение на практике личной теории, что в хозяйстве свободные люди полезней рабов. Безусловно, я им сочувствовала, жалела, но не настолько.

И вот какой-то чужак, пленник, не связанный со мной никакими узами родства или дружбы, сначала заставил нарушить закон, потом похоронить репутацию, а теперь добрался до души! Вытащил её, нежную, непривычную к боли, вывернул наизнанку. И она засаднила, забилась, зацарапала по живому!

- Уйдите все! – распоряжаюсь, не позволяя усомниться в приказе. - Марица, давай простыню и тоже иди!

Парни неохотно отпускают раба и, оглядываясь уходят за дверь, служанка с ними. Уверена, все трое заняли пост с другой стороны и, если что, вбегут тут же. Но при желании Исмаэль успеет свернуть мне шею или резануть по горлу осколком зеркала. На это сил у него ещё достанет.

Иду к нему. Пускай делает, что хочет, но вот так просто стоять столбом и любоваться, как из него капля за каплей утекает жизнь, не могу. Это я виновата! Я!

Глава 12.

Да, возможно, он бы всё равно умер от непосильной работы, где-нибудь в каменоломнях, куда обычно отправляют пленников. В приличные дома брать таких рабов не принято и опасно. Сгинул бы на медных рудниках от чахотки и постоянного недоедания, или за строптивый характер его до смерти забил бы очередной надзиратель, но это было бы не моё дело, я бы не знала.

Однако, цепочка событий с того злосчастного момента, как я оказалась на дороге одновременно с караваном, чуть не убилась, а он спас, а потом, решив быть доброй и благодарной, спасти от тяжёлой участи или смерти, выкупила нечестным способом, связала наши судьбы, и теперь мне нести ответ за то, что творится с этим парнем.

И уже есть за что ответить! Хотя он не вправе спросить, хозяйка всегда права. Но я не прячусь,

- Прости меня, Исмаэль! – подхожу вплотную, прижимаюсь к его окровавленному телу, обвиваю руками шею и припадаю щекой к груди.

Сердце бьётся раненой птахой: тук-тук, тук-тук всё тише и слабее.

- Я очень виновата перед тобой! Очень, очень! Но я исправлю!

- Вы испачкались, госпожа, - говорит чуть слышно, отворачиваясь в сторону и отгораживаясь, отдаляясь внезапным «Вы».

Противно, значит… Я ему противна. И себе-то противна! Как я могла забыть? Ведь знала же, что такое попасть во власть к тирану! Сама почти три года прожила почти в рабстве, всех своих отпустила по той же причине, а его бросила! Пускай, мой отец - здравомыслящий человек, но сострадания к рабам не питал никогда, они для него не люди.

Отстраняюсь, не важно, что моё платье теперь тоже в кровавых пятнах, это просто платье. Исмаэль, пошатнувшись, опирается спиной о стену и сползает по ней на пол. Ждать больше нельзя.

- Дай мне один единственный шанс! Умоляю!

- Зачем? – едва шелестит губами.

- Как жить, если ты вот так уйдёшь?! Не смогу непрощённой!

- Я не держу обиды, сделали, что смогли. Но лучше бы Вам ничего не делать…

- Шанс, Исмаэль!

- Делайте, что хотите, - он ослаб, и сопротивление его ослабло. А, может, всё-таки, поверил?

- Марица, воды! – кричу, отрываю широкую полосу от простыни, перевиваю жгутом и перетягиваю одну упавшую плетью руку, затем другую.

- Вот, хозяйка! – служанка у меня бойкая, расторопная, уже сгоняла к нему в комнату для купаний, почерпнула из ванны, что припасена была для мытья, и притащила широкую чашу. Закатала рукава и принялась аккуратно смывать кровь.

- Кажется, останавливается, - гляжу, из ран уже не течёт, а лишь сочится. Но потеря слишком велика, мужчина прикрыл глаза и, не удивлюсь, если потерял сознание.

- И с чего он так? – недоумевает Марица. - Неужто, думает, ему у вас хуже будет, чем у батюшки вашего?

- Наверное, - а что я ещё могу ответить? Подозреваю, что причина не в этом.

Гордость в нём человеческая осталась, и не важно, что кормить будут лучше, или избивать перестанут. Он же не скот, а человек, и человеческое в себе не утратил. Как только выпал шанс свести счёты со своей скотской жизнью, так и воспользовался. Значит, обещаниям моим не поверил.

- Но я с ним поговорю!

Что скажу? Человеку, мужчине, волею судьбы не погибшему в честном бою, оказавшемуся игрушкой по прихоти взбалмошной госпожи, которая и спасение-то не смогла толком осуществить.

Забинтовав запястья, пытаюсь расшевелить,

- Э-эй! – трогаю аккуратно за плечо. Оно тёплое, значит, жив, и это радует, - Исмаэль, всё позади!

Но он только едва приоткрыл глаза и снова опустил веки, спрятавшись от меня под невероятно длинными пушистыми ресницами.

- Алексис, Михаэлис! – пора парням поработать.

- Что угодно, госпожа? – тут же вбегают и встают навытяжку.

- Перенесите его в мои покои, а ты, – обращаюсь к Марице, - найди горничную, пускай приберёт здесь всё.

- Зеркало новое заказывать? – интересуется дворецкая.

- Нет! Никаких зеркал, ваз, статуэток! И, вообще, сама проконтролируй, чтобы ничего острого, колющего и режущего не осталось. И никаких верёвок!

- Так у него ошейник! – Марица правильно поняла, что я имею ввиду.

- М-да… - я уже сама на него посматриваю, - тут надо к Василису твоему, без кузнеца никак. Это после.

- Парни, давайте в мою гостиную на диван, да поосторожней! – распахиваю перед ними двери.

- Госпожа, он же Вам своими портками весь бархат перепачкает! – возмущается Алексис.

- Я застелю! – мечется под ногами Марица, - там ему одёжа в ванной припасена, штаны свежие и рубаху могу захватить.

- Давай!

Через пять минут Исмаэль лежит у меня на диване. Штаны и впрямь в крови выпачканы, как по рукам текло, так на них и попадало, бурые дорожки нарисовались и уже начали засыхать.

- Штаны в печку. Да чаю сладкого принесите, - распоряжаюсь и встаю перед дилеммой: кто парня раздевать будет?

В принципе голым его уже видели все, кому ни лень. Так что не важно. Но ему-то каково? Вдруг очнётся?

Нет я, конечно, не пуританка и не белоручка. С нашими бабами на маслобойне мутовки кручу до огня в ладонях, землю чуть ли не на зуб пробую, определяя благоприятное время для посева. Видела, как свинки поросятся, и поросяток маленьких тискала в руках. Но чтобы раба раздевать?

Это что-то новенькое! Тем более, там у него такое!

О чём я только думаю? Он чуть не умер, и не ясно выкарабкается ли, а я ту золотую клеть позабыть не могу! Так-то из-за неё толком ничего не видно. Что уж там за чудо? Я вообще имею мало представления, каким оно должно быть. Только у мужа привелось, так разве ж это чудо? Так себе чудышко. Но этот-то не муж!

Походив вокруг лежащего ничком мужчины, раздумываю, не поручить ли сие ответственное дело Марице, резво прибежавшей с большим бокалом с кухни, или кому-нибудь из парней охранников, но памятуя о том, что всё разнесётся по округе, выпроваживаю дворецкую, запираю двери гостиной изнутри и решаю совершить подвиг самостоятельно.

Пока Марица разбирается с уборкой комнаты, парни разошлись в дозор вокруг особняка. Всё успею. На всякий случай тормошу, а то сейчас потяну за пояс, а он очнётся и подумает бог весть что.

- Исмаэ-эль! Ты жив? – лучше бы ему очнуться, да самому переоблачиться в чистое, я бы ушла в спальню. Мне не любопытно. Но он слишком слаб, простонал что-то и опять отъехал.

- Ну, что ж, Северина, - говорю сама себе, - рабу ты ещё не прислуживала, давай, рискни!

С этими словами начинаю распутывать шнуровку на поясе его полотняных порток, ещё раз убеждаясь, что парень очень худой. Распутав, потихоньку стаскиваю, потянув за штанины, стараясь не пялиться на его богатство и заклинаю,

- Только бы не очнулся, только бы не очнулся, только бы…

Глава 13.

Ничто не мешает разглядеть папочкин сюрприз вблизи.

Чисто выбритый плоский, ввалившийся живот, как и полагается сходящий треугольником к паху, вместо того чтобы завершится естественными мужскими достоинствами, венчает та самая злополучная клеть.

Корзинка не корзинка, сетка не сетка, скорее, сеть в форме чулка, да не простая, а золотая! Как она на нём оказалась? В смысле, силком натянули?

Тонкое плетение, соединённое некрупными клетками, примерным интервалом, что женский пальчик пролезет. Смотрю и не знаю, что делать! То ли освободить птичку из клетки, пока не очнулся, то ли надеть на человека свежие штаны и сделать вид, что ничего не заметила?

Немного помаявшись, выбираю второе. Надо будет потом отдать ему этот чёртов ключик, чтобы сам отпер.

Интересно, эта штуковина ему не мешает? Да хотя бы в туалет ходить? И жёсткая, наверное?

Не удержав в узде любопытство, аккуратно касаюсь кончиком пальца извитой цепочки. Ну, так-то за счёт частых мелких звеньев гибкая, даже текучая, а в ней столько всего… интересного!

- Северина, - одёргиваю себя, - надень парню штаны поскорей, пока он без чувств! А то придёт в себя и заедет тебе в лоб, что на драгоценности его покушаешься! Реально, драгоценности! Клетка-то из чистого золота!

А вот интересно, как это закреплено? Её просто так стянуть можно?

Осторожно поддеваю ноготком золотую нить и пытаюсь немного оттянуть. Не поддаётся, гадина! Да как же устроена эта хреновина?! Где замочная скважина?

- Ай! – крепкий болезненный захват, так что пальцы хрустнули, оказывается настолько неожиданным, что едва не падаю в обморок.

- Не получишь! – Исмаэль очнулся очень несвоевременно и, несмотря на слабость и бледность, не выпускает, и глаза сверкают гневом.

Собираю остатки самообладания и говорю, как можно безразличней,

- Очень надо! Тоже мне богачество! – хочу отвернуться и отойти на безопасное расстояние, но он держит. - Пусти!

- Ещё полезешь, убью! – угроза вполне реальна, аж ноги подкашиваются!

Потом отпускает,

- Простите, госпожа! – уже совсем другим тоном и с опущенной головой.

- Не полезу! Я штаны тебе собиралась сменить, те в крови, - растираю пальцы. Синяки обеспечены. - Могла парней из охраны попросить или прислугу, но не хотелось лишних разговоров. Но раз уж очнулся, сам оденешься. Там и рубаха.

- Почему ты помешала мне? – перепады настроения у моего раба на высоте. Только что «Простите, госпожа» и уже на «ты»! Но, что делать, его и самого так носит из стороны в сторону.

- Потому что ты дурак, Исмаэль! – набрасываю покрывало, чтобы не смущать и самой не смущаться. Подаю кружку со сладким чаем, вернее, подставляю ко рту, приподняв его за плечи. - То вешаешься, то вены режешь. Всё плохое с тобой уже случилось, и ты выстоял, выжил, а теперь, когда маячат на горизонте лучшие дни, решил свести счёты с жизнью.

- Я тебе не верю! – оторвался на секунду и снова припал к кружке. Пьёт жадно, так что по бокам стекает, чуть ли не захлёбывается, допив, продолжает обвинительную речь, - папаша твой - изверг ненормальный, а ты плоть от плоти – его порождение.

- Уж прямо исчадием ада обозвал! – вытираю впалую грудь с каплями чая. - У меня ещё и мать была, вообще-то. Правда, я её совсем не помню. Она умерла, когда я была маленькой.

- Прости! – вроде как сожалеет.

- Да ладно! У тебя есть полное право не верить. Но ведь свести счёты с жизнью никогда не поздно, может повременишь? Вдруг я не вру?

- Ты же обещала на цепь меня посадить?!

- С ума сошёл? Когда? У меня и цепей-то нет!

- Думаешь, я ничего не помню? Как Барышу этому толстому рассказывала: посажу на цепь и буду дрессировать! – точно! И это вспомнилось! Говорила! Стыдоба! Ещё бы он мне поверил!

- Да врала я! Что мне надо было ему сказать? Понравился пленник ваш до такой степени, что мимо проехать спокойно не могу? – что кстати, полная правда. - Знаешь, какую бы он цену заломил? А у меня с собой всего ничего денег было. Я ж не на базар ехала, а к отцу в гости!

Молчит, обдумывает. Пытается сесть, а сам, боги мои! Белее простыни, на которой лежал, и колени дрожат.

- Лежи! Куда собрался? – надо бы предложить отцепить ту штуку, но не смею, а то скажет: освобождаю, чтобы накинуться на него бедного с крамольными целями. Фиг с ним, захочет снять, сам попросит.

Пока он что-то там пытается, объясняю планы на ближайшее время, чтобы хоть немного вдохновить человека,

- Завтра к кузнецу пойдём, чтобы удавку срезал, если восстановишься, конечно, а нет, повременим.

- Завтра! – тоном, не терпящим возражений.

- Это хорошо! Забывай всё, чему тебя дрессировали. У меня нет рабства в поместье!

- Один я раб?

- Ну, а что поделать? Не повезло… Но, знаешь, разницы между тобой и остальными слугами не будет. Заживёшь ещё получше многих.

- Отпусти! Ничего не надо, просто отпусти! Как ошейник снимешь, никому и дела до меня не будет.

- Поймают, погибнешь.

- Не важно! Я не выдам вашего секрета с купцом, рта не раскрою, пускай хоть калёным железом жгут! – горячится, на всё готов.

И я верю, что не выдаст, но также прекрасно знаю, что не выживет и не спасётся.

- Нет, не отпущу.

Взгляд тут же тускнеет, в следующий миг снова прорывается в нём буйство,

- Всё ложь! Ты такая же лживая стерва, как и все в этой поганой стране! – злится до слёз, едва сдерживается, но я понимаю, как ему плохо.

- Ты не понял, Исмаэль, я хочу освободить тебя, очень хочу! – вот уже и оправдываюсь перед рабом. - Но это не в моей власти. Буду думать и найду какой-нибудь выход, но пока не нашла, придётся тебе жить здесь.

- Врёшь! Я не верю! – закрывает руками лицо. – Как же я всё это ненавижу!

Господи, что же делать-то? Я сама уже чуть ли не реву от бессилия! Как помочь?

Глава 14.

Несдержанным порывом меня толкает к Исмаэлю. Подползаю, обнимаю его костлявую фигуру, прижимаю лохматую голову к груди и шепчу,

- Тише, тише! Не горюй, - глажу острые лопатки, - мы обязательно что-нибудь придумаем. Верь мне! Я знаю, как трудно поверить после всего, что случилось, но ты поверь, - по содроганию плеч понимаю, что не сдержался парень, так и не мудрено. - Исмаэль, надо жить. Господь покажет выход. Мне тоже было трудно, плохо, я не всегда была госпожой в этой красивой тюрьме, и знаешь, сколько времени мне пришлось ждать свободы? – Он молчит, но затаил дыхание, значит, слушает, - три года!

- Три?

- Да! Долгих мучительных три года! Я не знала, сколько их будет и ни на что не надеялась, но оказалось три. Не так уж и много в сравнении с жизнью.

- Три вытерплю как-нибудь…

- Я не называю цифру, сколько придётся, но обещаю сделать всё, что в моих силах!

- Только не обмани! – отстраняется. Глаз поднять не смеет.

А я бы так и гладила непослушную смоляную гриву, так бы и обнимала твёрдые плечи, так бы и чувствовала его горячее дыхание на своей груди.

Но нет! Я – госпожа Северина, читай льдина, а потому во всём нужна мера. В общении с красивыми мужчинами, которых от меня воротит, тем более.

- Одевайся, Исмаэль, я позову служанку, чтобы принесла еду сюда. Поужинаешь со мной.

Он чуть живой так, что одеваемся вместе. Я натягиваю на его худое тело простую полотняную рубаху, осторожно просовывая раненые руки в широкие рукава, спускаю по плечам на спину, после чего он валится на подушки. Со штанами более чем скромно, поступаю так же. Сначала штанины на обе ноги, потом завожу под покрывало, и по мере натягивания, сдвигаю его кверху. Так доходим до пояса, он лишь приподнялся немного, а я завязала.

- Вот и молодец!

Отпираю двери, звоню в колокольчик, коим пользуюсь крайне редко, по обыкновению, выходя по нужному делу сама. Но Исмаэля без пригляда оставлять опасно, поскольку потенциальных орудий смерти в моих покоях полно! Один набор для маникюра чего стоит! Парень хоть и лежит, как дитя безвинное, но не удивлюсь, если на последний подвиг силёнок наскребёт.

- Госпожа! – Марица тут, как тут, - Нэтти уже почти навела порядок в комнате… - мешкает, косясь на Исмаэля, лежащего на диване, но достойно выходит из положения, - вашего гостя.

- Спасибо, дорогая, вели Марте подать ужин сюда на две персоны, - потом поправляюсь, - на три! Мяса побольше!

- Будет исполнено! – улетает, только пятки сверкают.

А нам надо поговорить.

Подсаживаюсь на диван на расстоянии вытянутой руки к моему невольнику,

- Исмаэль, давай сразу проясним ситуацию.

Он опять настораживается.

- Не пугайся, просто ты должен знать наши порядки.

- Слушаю, - пытается сесть.

Останавливаю,

- Лежи, как лежишь.

Повинуется.

А я пытаюсь кратенько изложить проблему,

- Как ты уже понял, я незаконно приобрела тебя, - его от последних слов заметно коробит. - Прости, но это факт, и ты должен принять его, – снова понурая голова. - Если этот секрет станет известен властям, не поздоровится никому: ни тебе, ни мне, ни купцу, который тебя продал. Это вопрос жизни и смерти. Именно смерти, потому что по всем бумагам и отчётам, ты - учтённая потеря, заложенная в план, - звучит мерзко. - И воскресить тебя для мира по-простому не получится.

Перебивает, неуверенно взглядывая,

- Почему тогда не позволяешь мне сбежать? Это считай, что умереть. Всем бы стало легче. Мёртвая душа уже есть, осталось избавиться от тела, и воцарится гармония! – надо же, какие складные мысли рождаются в этой, отнюдь не рабской голове!

- Потому… - интересно, почему я остановила его? Впуталась в незаконную сделку? Из благодарности? Из банального человеколюбия? Вот у меня в голове ничего путного в ответ не родилось, - потому, что не затем я тебя выкупала!

Лицо Исмаэля каменеет на глазах,

- Только попробуй сделать меня своим постельным! Убью и сам убьюсь!

Хочу разораться на него, надавать пощёчин, затопать ногами и выгнать из своих апартаментов взашей! Оскорбительно, право слово, слышать такие речи! Противно ему, видите ли, в любовники ко мне идти, аж до самоубийства! Как будто мне это надо! Да я сама тебя не подпущу на пушечный выстрел!

Но если заистерю, то продемонстрирую слабость, а ещё подумает, что угадал. Поэтому усилием воли натягиваю на лицо надменную ухмылку,

- Постельным?.. А не высоко ли мостишься, парень? Или размечтался, что могу тебя, тощего, грязного охламона допустить до своего тела?

Он краснеет. Это, тем более, удивительно, что бледный, как полотно только что был.

- Или считаешь, мне выбрать не из кого?

- Прости! – аж уши горят. В глазах стыд и вина слились воедино, - я неправильно понял!

- Так вот я и говорю, чтобы ты всё понимал правильно! В свою постель не допущу, можешь не мечтать. Но для всех без исключения ты будешь считаться моим постельным рабом до тех пор, пока не придумаю, как выйти из положения. Это – лучший аргумент, почему среди вольного народа у меня завёлся один единственный невольник, который живёт господской жизнью. Нам лишние проблемы ни к чему! Этот способ тебя спрятать на виду у всех – самый оптимальный. Тем более, папочка мой заботливый это уже провозгласил. Ты для всех – его подарок мне. Ясно?

- Да, госпожа, я всё понял, - кивает понуро, потом вскидывается, - тогда зачем?.. – тут стук в двери.

Они распахиваются, и Марта с Вестой вкатывают столик, на котором нагромождена целая батарея блюд и блюдечек, а ароматы!

И я понимаю, что дико проголодалась. Благодарю кухарок, а сама кошусь на Исмаэля.

Он отвернулся и глядит куда-то в угол, будто безразлично, но под широким ошейником кадык ходит вверх-вниз, ага! Давимся слюнями! Ну что ж, жить будешь, парень, раз ничто человеческое не чуждо.

Глава 15.

На ужин оказался запечённый молочный поросёнок, по обеим сторонам блюда молодой картофель, овощи с огня, и много-много зелени. Вырезаю из задней части небольшой кусочек, пробую,

- М-мм! Божественно! Это просто восхитительно! – причмокиваю слишком громко, чтобы Исмаэль не смог остаться равнодушным. - А на десерт сегодня вишнёвый пудинг со взбитыми сливочками.

- Заглядываю, чем там мои мастерицы ещё расстарались.

- А мне можно? –

Ну, наконец-то здравые мысли!

- Ну это уж сам решай. За твою кончину с меня никто не спросит. Вот и подумай, если есть повод отложить смерть, тогда давай к столу. Имей в виду: плохое настроение портит аппетит… и мне тоже!

Второго приглашения не требуется, чуток помедлив, усаживается напротив.

- Вот, - отделяю от поросёнка приличный ломоть и, порезав, чтобы ему лишний раз не напрягать травмированные руки, передаю на тарелке, - давайте-ка, принц заморский, я за Вами поухаживаю слегка, - подшучиваю, а он дёргается, и в глазах ужас. С чего бы? – не волнуйтесь, Ваше Высочество, еда не отравлена. Видите, - первый кусок отправляю себе в рот, - вкуснота-а нечеловеческая.

Проследив с голодным вниманием, как еда пролетела мимо, больше не раздумывает. Но запястья кровят сквозь повязки. Беру дело в свои руки. А потом кусок за куском с моей вилки исчезают во рту страдальца. Сразу видно, давненько парень мяса не едал.

Представляю, как батюшка родимый строптивцев укрощает. Поди-ка из лохани, стоя на четвереньках, хлебал, какое-нибудь пойло.

- Ну и славненько, - вряд ли после такого ужина, его посетит дурная идея свести счёты с жизнью. Можно выдохнуть.

- Благодарю Вас, госпожа! – а у самого моська лоснится. - Наверное, это сон. Поем хотя бы во сне.

Шутит - уже хорошо.

Чтобы внести полную определённость, предлагаю,

- Северина… Когда никого нет рядом, просто Северина. - Соображаю с опозданием, прочтя новые сомнения в глазах, - спать со мной не будешь! Уймись!

Больше не разговариваем. Парню не до болтовни. Уплёл поросёнка больше половины и гарнира щедро. И пару пшеничных лепёшек, до сих пор хранящих тепло печи. Когда ломаю верхнюю с хрустом напополам, открывая пузырчатую пористость внутреннего узора, разносится аромат свежеиспечённого теста.

Просит сам,

- Хлеба!

Бог ты мой! Даже хлеба не давали!

И он ест! Не жрёт, накинувшись, как голодный пёс, а ест. С аппетитом, быстро, но прилично. Не чавкает, не давится от жадности, просто ест, как обычный очень изголодавшийся, но воспитанный человек.

Решаю, пусть всё будет, как будет. Ничего прятать не стану, задумает, орудие смерти из чего угодно смастерит. Но сдаётся мне, эта тема закрыта. И первоначальную идею, привязать его за ошейник к ножке дивана на ночь, так чтобы лежать на нём мог, но ни до чего не дотянулся, отбрасываю. Пойдёт к себе.

Исмаэль, меж тем, насытился довольно быстро. Вижу, что глазами мог бы ещё, но на вопрос,

- Добавку?

Отвечает,

- Благодарю, госпо… - поправился, - Северина! Достаточно. Боюсь с непривычки получить проблемы.

Надо же, какие речи учтивые!

- Ты очень хорошо говоришь по-риголейски, - делаю комплимент и наливаю вина в бокалы себе и ему.

- Учитель хороший был, - отвечает туманно.

То ли ещё на родине научился, то ли у отца в имении дрессировка.

- Давай выпьем за… твою будущую свободу, Исмаэль! – предлагаю тост.

Он сначала сомневается, но за такое как же не выпить, кивает,

- Вы очень добры, я выпью за Вас!

Вот вам, и раб! Да в моём поместье вряд ли найдётся такой учтивец!

После второго, а потом и третьего бокала, вместо того, чтобы у гостя развязался язык, стали закрываться глаза, и он, скромно извинившись,

- Госпожа, - всё-таки, госпожа, - я так устал, простите, немного посплю, - начал сползать на пол!

- Стоп-стоп! Пошли-ка, дружок, в свои апартаменты!

Пока не растянулся основательно, помогаю кое-как встать и почти на себе препровождаю в персональные покои,

- И не делай глупостей! Я верю в твоё благоразумие.

Там уже чистота и порядок, Нэтти позаботилась. Опираясь на моё плечо, Исмаэль доползает до постели и падает прямо плашмя.

Последнее, что слышу,

- Наверное, я всё-таки, умер и попал в рай!

Выдергиваю из-под него одеяло, укрываю. Ночами у нас свежо, а он, борясь со сном, перехватывает мою руку, подносит к губам и касается нежно-нежно,

- Вы – мой ангел!

- Отдыхай, Исмаэль, - шепчу уже сонному, - я увы не ангел, но хранителем попробую для тебя стать…

Потоптавшись возле дверей, всё же принимаю решение запереть снаружи. С собой, так и быть, пускай творит, что захочет, но сбежать и баламутить усадьбу, не позволю. Надо ещё присмотреться к парню. К тому же, если схватят его за пределами поместья с рабским ошейником, на котором клеймо фамилии Краулис, то вернут обратно, и вопросов неудобных потом не оберёшься. А мне они не нужны.

Жаль, планы поменялись, думала, выпьет человек, расслабится и решит, что пора снять то чудо, что у него в штанах красуется. Да не учла, что после трудного дня ему и капли хватит, чтобы отъехать. Тем более, крови потерял столько.

***

Река, жаркий полдень, я пришла в своё излюбленное место. Тихая заводь с песчаной отмелью, кругом ни души. Зной звенит стрёкотом цикад и птичьим пением, лёгкая голубая стрекозка, почти касаясь водной глади, взмывает вверх и исчезает в прибрежных травах. Мелкая рыбёшка, плеснувши хвостом, дразнит, приглашая окунуться в прохладные воды. Это – мой рай! Попав в поместье, я сразу его облюбовала, сбегала сюда при любой возможности, не только для купания, но и просто помечтать.

Помечтать о том, что замужем не за дрянным старым самодуром, а за прекрасным принцем. И вот сейчас, совсем скоро, с минуты на минуту он явится сюда, и мы вместе побежим в

воду, станем плескаться и хулиганить, а потом он обнимет по-настоящему, по-мужски и поцелует!

От этих сладких грёз сердце начинает колотиться, разливается по телу непонятное томление! Вот-вот!

Сбрасываю сандалии, лёгкое платье и даже тонкую сорочку, и иду в воду нагишом. Ступив в реку, осязаю прохладу, она затягивает сначала по колено, потом по бёдра, до живота, касается груди. Когда уже хочу опустить лицо и умыться, воды расступаются, открывая голову, потом спину незнакомца. Волосы его тёмные длинные, если бы не косая сажень в плечах, подумала бы что женщина.

Но вот человек оборачивается, лицо знакомо, жгучие чуть раскосые карие глаза, немного впалые щёки, прямой нос.

- Исмаэль? – откуда он взялся здесь?

- Ты позвала, любимая, и я пришёл!

- А, разве я звала? – не кричала же, наоборот таюсь здесь всегда. Не хватало ещё, чтобы прознали про моё секретное убежище.

- Ты мечтала обо мне слишком громко, - улыбается, приближаясь, - так громко, что проигнорировать не смог.

Стоит совсем близко, настолько, что могу разглядеть своё отражение в радужках его глаз. С ресниц срываются капли воды, а мокрые красивые губы трогает довольная улыбка.

- Любимая? – уточняю, зацепившись за то, как он обратился ко мне.

- Конечно, Северина! Я тебя люблю! – опускает руки мне на плечи, чувствую их приятную тяжесть и тепло. Притягивает к себе властным жестом, и целует.

Поцелуй длится долго, он такой удивительный! Исмаэль, приласкав языком губы, проникает внутрь и, поддразнивая мой язык, исследуя внутренние стенки, находит такие горячие точки, что, несмотря на прохладу, окутывающей меня воды, уже горю.

Потом легко подхватывает на руки, прижимая к груди, отчего контакт кожа к коже зажигает нестерпимый огонь желания, выносит на берег, укладывает на травяной ковёр, любуется. От его горячего взгляда наливается грудь, заостряются соски, ещё сильнее заливает жаром низ живота.

- Сделай это, Исмаэль, - поощряю его, - я так давно жду! Я готова!

- Сейчас, любимая, сейчас! – Он склоняется нетерпеливо, и вдруг прекрасное лицо искажает гримаса досады, - чёрт! Чёрт! – Опускает глаза вниз с болезненным стоном, - прости! Ничего не получится!

Я смотрю туда, где сосредоточились все его муки и тщания, и вижу золотую сетку, сжимающую, стягивающую живую, трепетную плоть, рвущуюся на свободу!

- Что это, Исмаэль?

- Моя тюрьма! – заявляет со слезами на глазах. - Моя пытка!..

Глава 16.

Просыпаюсь, не сразу сообразив, что видение на реке, столь красочное, живое, всего лишь предутренний сон. Лежу, не хочется вставать, припоминаю подробности.

Это точно был Исмаэль. Почему он приснился? Почему вообще мне приснился такой чувственный интимный сон? За двадцать пять лет жизни не представляла, что женщинам могут приходить такие сладкие сны! Невзаправдашние. Реальность груба и противна. Может, это демон хочет столкнуть с истинного пути, а сон – его оружие искушения? Надо было сразу проснуться, а я не смогла!

Почему Исмаэль? Ведь он совсем не такой! Худой, слабый, подозрительный. Но во сне был хорош словно бог! Силён, красив, ласков, истинный мужчина с крепкими руками и горячей кожей. От воспоминаний тело пошло приятными мурашками, и я зажмурилась, пытаясь вернуть обольстительный образ!

На нём не было ошейника! Точно, не было! А вот золотая клетка была! И она точно ему мешала! Ярко помню её жёсткие перевивы, как Исмаэль горевал и рвал этот плен, но тщетно!

Всё-таки, надо отдать ему ключ! – встаю в твёрдой решимости сделать это прямо сегодня. - Сейчас!

Надо, чтобы он поскорее снял с себя эту штуку!

Долго-долго мучаюсь, прежде чем замок браслета поддаётся, и змейка стекает с запястья. Ловлю пальцами крошечный ключик.

Потеряет, - берут сомнения. Оставляю его прямо на браслете, замкнув концы, - так лучше.

Наскоро умывшись, причесавшись и, приведя себя в порядок, как есть, в домашнем платье иду отпирать пленника.

Замки у нас в доме хорошие, смазанные, получается бесшумно. Так же бесшумно отворяю двери в боязни разбудить человека. Он там в отцовских хоромах жил в каком-нибудь бараке и спал на соломе, в лучшем случае на свежей, а то и на голом земляном полу, так что не удивительно, если разнежился в мягкой постели. Просто погляжу на спящего, пойму, что во сне ко мне приходил кто-то другой, похожий, и так же тихо уйду.

Захожу.

Не спит. Голая спина в шрамах, плечи печально опущены, руками в подоконник, запястья перебинтованы. Глядит в зарешёченное окно, словно, узник в клетке.

- Доброе утро, Исмаэль! – окликаю пободрее.

Он в первый момент дёргается, но потом оборачивается, на лице недовольство,

- Добрей не бывает, госпожа! – и отвешивает демонстративно поклон.

Подхожу ближе,

- Что не так? – вроде вчера Ангелом назвал. Наверное, захмелел бедолага и расчувствовался, а сейчас и не помнит.

- Простите, госпожа Северина, - вредничает, но в глаза не глядит.

Что-то тут нечисто! Надумал себе за ночь каких-то гадостей. Это я предавалась сладким романтическим снам, а человека небось кошмары мучали?

- Исмаэль, - осторожно касаюсь плеча, - так дело не пойдёт! Что за прятки? Мне казалось, что вчера за ужином мы всё обсудили и наметили общую цель – твою свободу! А теперь ты снова затаил обиду на меня.

Он резко сбрасывает мою руку, отворачивается к окну, буркает,

- Спасибо за спектакль!

- Не поняла?

- Решила в добренькую хозяюшку поиграть? Изобразить, что белая и пушистая? А я дурак поверил! – цедит сквозь зубы.

- Не во что я не играла! Что произошло, Исмаэль?

- Тебе чего надо от меня? – резко разворачивается, сам хватает за плечи, встряхивает так, что искры из глаз. - Зачем эти обещанья? Вот эти комнаты с коврами, постель эта зачем?! Игрушку хочешь из меня сделать? Думаешь, не догадался? Папаша твой издевался, а ты решила в доброту поиграть? Я же не идиот! Сначала купила, хотя никто не просил, потом выкинула нарочно, чтобы в дерьме искупался по уши, а теперь вот облагодетельствовала!

Не успеваю вставить ни единого слова в оправдание, наоборот, понимаю, что так со стороны и выглядит всё.

- Очевидно, ты прав, - обезоруживаю. - Я бы тоже самое подумала.

Не услышав оправданий, отпускает растерянно.

- Только у меня и в мыслях не было играть.

- Не ври! – гнев немного опал. Но, что мои слова, когда у него остался ещё один убийственный аргумент, - зачем дверь заперла?!

Что отвечать?

- Я не верю тебе, Исмаэль, - лучше сказать правду. - Мне хочется спать спокойно по ночам, а не дёргаться от каждого шороха и скрипа. Вдруг это ты крадёшься, чтобы мне перерезать горло за то, что я такая тварь! – под конец рявкнула уже!

- С ума сошла? – глядит ошалело, как на полоумную.

Но меня-то понесло,

- Или сбежишь, как идиот!

- Почему, как идиот? – успокаивается, и во взгляде неподдельный интерес.

- А, кто же ты? – Подхватываю его руку, - это что вчера было? Тоже спектакль мне устроил?

- Это была единственная мечта последних трёх месяцев, - тёмные ресницы быстро прячут взгляд, но по морщинке между бровей, понимаю, что он всерьёз.

Только жалость не то чувство, которым мне хочется с ним поделиться сейчас,

- Не поменял мечту?

- Ошейник хочу снять, - поднимает глаза, в них надежда и сомнения вперемешку.

- А потом? Только честно!

- Свободы хочу! - Но тут же и угасает, - только я тебе не верю.

- И не надо. Ошейник сегодня пойдём снимать? Или ты ещё не здоров?

- Сегодня! – тоном, не терпящим возражений.

- Вот и чудно, - разворачиваюсь на каблуках к дверям. - Значит, договорились! – Подумав, добавляю, - убеди, что не сбежишь, и я забуду, где у меня ключ!

- Не надо! – даже испугался.

- Что не надо?

- Ключ не теряйте! – кто про что.

- Ах, да! – достаю из кармашка браслет. - Чуть не забыла! Вот, держи! Не собираюсь никому демонстрировать тебя в этой штуке. И твои любовные походы мне тоже не интересны, - лукавлю, конечно, если уж по ночам снится.

Исмаэль только хмурится. Беру его ладонь, касание согревает, отпуская напряжение и его и моё. Раскрываю и кладу в неё заветный ключ. Ответить ничего не успевает.

Стук в дверь, следом, не дожидаясь приглашения, довольная Марица,

- Доброе утро, госпожа! А я заглянула к Вам, не нашла, - частит скороговоркой. - Марта спрашивает, куда завтрак подавать? На сколько персон накрыть?

- В общую столовую, на две персоны, - отвечаю без запинки, дворецкая убегает. - Не будем прятаться по углам, привыкай, - сжимаю его пальцы. - Надень рубаху и выходи в столовую. Да не шарахайся! Для всех окружающих ты - мой постельный, не забудь.

Глава 17.

***

Аппетит в парне проснулся, что надо! Настоящий, мужской! Это радует, и мне очень хочется его ободрить, порадовать и, как-то облегчить наше общение. Я не знаю, о чём можно говорить, о чём нельзя. Вообще, не представляю, как разговаривать с молодыми мужчинами. Не понимаю, как вести себя с Исмаэлем. Отдавать ему распоряжения, будто слуге, не смогу. Да он и выполнять не будет. И это создаёт нелепую неловкость.

- Скоро наберёшь форму и станешь таким ладным, что все незамужние девчата в поместье начнут заигрывать, а замужние глаза сломают любовавшись! Даже старухи…

Ох, дура! Вот об этом вообще нельзя было! Глаза Исмаэля тут же налились гневной чернотой и, бросив недоеденный пирог, он упёрся в меня тяжёлым взглядом,

- Если попробуешь заставить с кем-нибудь из них… - и тормозит, соображая, какую кару назначить собственной хозяйке.

С опозданием понимаю, что парня просто воротит от этой темы.

В попытке сгладить ситуацию принимаюсь рассуждать,

- А разве можно к этому принудить?

- Можно… - хмурится, но остывает и возвращается к еде.

Припоминаю, что там батюшка про чудо-чай рассказывал, и пытаюсь выправить ситуацию,

- Сам выберешь невесту по душе.

Вот какая я великодушная, аж распирает от гордости, а собственные слова отдают колкой болезненностью: выберет не меня.

Но Исмаэлю до великодушия хозяйки никакого дела нет,

- А мне не надо!

И я осекаюсь,

- В общем, ты ешь, как следует, а там жизнь покажет…

***

Стою перед зеркалом в красивом платье цвета свежей травы. Оно очень идёт к моим рыжим локонам. Чем я нехороша? Все говорят, что куколка, статью и лицом в мать пошла. Кожа белая, без изъянов, глаза ореховые с зеленью, большие. Я сама вижу, что всё во мне красиво: и носик аккуратен, щёчки-яблочки, губы-кораллы, разве что горсть веснушек рассыпалась по лицу, ну так, разве это плохо? Просто, несмотря на холодное имя, солнышко меня любит.

Ростом, правда, невысока, так не велика печаль, я ж не парень, чтобы воробушков с веток доставать. Зато, стройна и изящна, как статуэтка, и грудь в последнее время налилась. Годы женского расцвета наступают, так и должно быть. Как мужа схоронила, взгляд поспокойнел, сама заметила, что осанка иной стала – как у настоящей хозяйки.

А уж, об огненной гриве и говорить нечего, все мужчины на балах головы сворачивают в мою сторону. Да только этими свёрнутыми головами всё и заканчивается.

Иной смельчак начнёт ухаживать, чувствую, что нравлюсь человеку, и только вроде бы перейти к близкому знакомству, как он исчезает. А появившись, глядит волком или делает вид, что встретил впервые.

И да, о рыжине. Странно, конечно, что я такая огнивушка. Матушка, говорят, блондинкой была, а отец до того, как поседеть, и вовсе брюнетом. На мой невысказанный вопрос папа лишь рассмеялся,

- Да мало ли злых языков! Ты - моя дочь, а что рыжая, так в бабку. Моя мать была ещё ярче тебя.

Ну, так примерно я и думала.

В общем, мне стыдиться нечего. Да, по большому счёту, всё равно, что там себе Исмаэль думает. Освобожу его, и пускай топает на все четыре стороны.

А пока надо до кузницы добраться. Так бы пешком прошлись по главной улице, где все мастерские и торговля, но после его вчерашних подвигов приказала двуколку подогнать к крыльцу. Рано дальние прогулки совершать.

Если честно, прихвастнуть хочется, погордиться. Три года назад в помине не было никаких ремесленных лавок, торговых рядов. Какое там, когда кроме рабов никого. А теперь всё здорово обустроено. Люд вольный, на жаловании, кому принарядиться, кому сладостей деткам прикупить, кому утварь нужна. Словом, в поместье Краулис сплошной прогресс, только мало кто понимает, и прогресс называют закидонами хозяйки. Мол, с жиру бесится.

А я вот посчитала, сравнила прежние времена с нынешними, и могу с гордостью заявить: вольные работники с хорошим жалованием и спокойной жизнью, дорожат своим положением, а потому просто чудеса творят! Урожаи растут с каждым годом, наши продукты даже поставляются к королевскому двору, сливочное масло из молока с моих ферм, виноградное вино с местных виноградников уже заслужили своё имя. Так теперь и говорят на сельхозбирже: масло «Краулис», розовое столовое прошлогоднего урожая «Краулис».

Эх, что-то я размечталась.

- Давайте, помогу Вам, - Исмаэль галантно подаёт руку, чтобы мне опереться, ступив на высокую ступеньку повозки. Потом встаёт вопросительно, что это значит?

- Садись, - пододвигаюсь. Не спешит, - что такое? – Наконец, доходит, - рядом по нормальному, не надо ползать у меня в ногах! Ты - не раб, Исмаэль! И какой бы толщины ошейник ни украшал твою шею, рабом не будешь!

- Спасибо, Северина, - с сомнением, но всё же усаживается, где указала. Очень скромно, опасаясь лишний раз коснуться.

Он не перестаёт удивлять меня: то похож на дикого зверя, загнанного в клетку, то воспитан и учтив, как благородный рыцарь. Очень бы хотелось узнать человека поближе, расспросить, как он жил в том таинственном Азуре. Интересно, кто-нибудь остался у него там? Может быть красавица-жена томится в неведении, деточки малые ждут отца. Вот потому и не нужна невеста. А я его тут в постельные назначила. Что и говорить, унизительная роль для настоящего мужчины. Я бы спросила, но душу бередить опасаюсь. Что ни скажу, всё невпопад.

Да-а, батюшка постарался на славу! Сколько потребуется времени, чтобы Исмаэль перестал ждать от меня зла?

Мы сидим рядом и неловко молчим. Путь до кузницы недолог, но становится бесконечен, когда не о чем говорить.

- Как твои руки? – этот вопрос кажется безобидным.

Исмаэль тоже вроде бы не видит подвоха на этот раз.

- Вот, - протягивает бесхитростно сразу обе.

У него красивые сильные руки. Невольно подмечаю, что кисти благородной формы, не лопатой, наоборот, довольно узкие, с ровными ногтями. Рубаха с длинными рукавами скрывает запястья, и я задираю их вверх, чтобы открыть повязки. Рассматриваю, не покраснела ли вокруг кожа, слегка касаюсь, совсем чуть-чуть,

- Вот так болит?

Он отрицательно мотает головой,

- Нет, всё хорошо.

А мне не хочется отпускать.

Прикосновение к его тёплой коже пробуждает волнение, тихое дыхание Исмаэля, взгляд украдкой, недоверчивая нахмуренность по любому поводу, вызывают чувство щемящей неж-

ности, желание хотя бы лишний раз проявить заботу. И даже вспышки гнева не пугают, я ведь понимаю, что так отчаяние выплёскивается.

Всё это накладывается на воспоминания о сне, в котором Исмаэль чуть не стал моим первым мужчиной, и не вызывает отрицания. Может, принц из сна, всё же, он? Стоп, стоп! Я тут занимаюсь совсем другим делом!

- Кажется, раны не воспалились, - воркую, возвращаясь с небес на землю, - если побережёшь руки ещё несколько дней, всё заживёт.

- Спасибо, Северина! – уже второй раз за сегодня. Тихая благодарность, практически шёпотом.

Поднимаю глаза и ловлю её в жгучем, невероятно красноречивом взгляде. А может в нём есть и ещё что-то? Не пойму.

- Всё будет хорошо, Исмаэль! – мне так хочется, чтобы он поскорее оттаял. - Вот увидишь!

Улыбка.

Какая же прекрасная улыбка. Прямо, как у таинственного любовника из сна…

Глава 18.

Ошейник снимали до заката.

- Не получится, - бегло осмотрев сомнительное украшение, заявил кузнец, - надето на раз.

- Что значит, на раз? Не снять, что ли?

- Теоретически можно, но только отрезав голову, - разводит руками, - вот как-то так.

- Так отрежь! Я не против! – соглашается обречённо Исмаэль.

- Совсем с ума сошёл? – изумляется кузнец. Это он ещё его запястий не видел. - Живи так! В золотые руки попал, да ещё постельным! Цени, олух!

Хоть провались! То ли комплимент сделал, то ли опозорил!

Пока мой невольник не взбрыкнул по обыкновению, скорей перехожу к делу,

- Василис, надо что-то придумать. Ошейник точно не нужен, а голова ещё пригодится.

На что кузнец поясняет, пытаясь абсолютно бесцеремонно просунуть свой толстый указательный палец между кольцом и шеей Исмаэля,

- Глядите, хозяйка! Такая мелочь не лезет, а ведь надо прокладку по всей шее проложить, потому, что прежде чем разрезать эту толщу металла, придётся раскалить. Что его головой в печь пихать?

- А, как это сумели надеть?

- Было горячо, - вставляет несчастный.

- Надеть-то проще, - рассуждает мастер, - заготовку сделали, а потом при нагреве согнули щипцами и сплавили концы.

- А мы так и разогнём!

- Ох, госпожа! Когда надевали, сжимали снаружи, а чтобы разогнуть, надо распорку внутрь вогнать! Если бы ошейник был посвободней. А тут ведь нарочно сделали в обизор под горло.

Зла не хватает на батюшку! Думать нечего, по чьему приказу такую подлость сотворили с парнем. Но я буду не я, если не сниму с него позорную удавку! Обещания надо исполнять, тем более, если это чьи-то мечты.

- Надо, Вася, надо! – настаиваю и даже называю ласковым обращением, хотя и не принято такой фамильярности. Но это действует стимулирующе и Василис блещет идеей,

- Допустим, предохраним кожу на шее и плечах, макнём его в ведро с холодной водой. Я раскалю небольшую болванку и прижму к ошейнику сзади. После того, как нагреется, сколько смогу, распилю. Только не думайте, что с первого раза выйдет. Тут и пяти заходов может быть мало. Тяжко придётся парню.

- Исмаэль, ты готов? – уточняю. Хотя уверена, не передумает. - Рискнём?

- Готов на всё, - в красивых глазах твёрдость. - У меня выбора нет!

- Ну, коли так, - озабоченно вздыхает кузнец, - вот вам лоскут, - подаёт воловью шкуру, из какой у него фартук изготовлен, - занимайтесь…

Марица, не дождавшись, принесла обед и сразу ужин. В перерыве между подходами трапезничали все вместе: кузнец, служанка, я и раб. Исмаэль, правда, ничего не хотел, он уже нахлебался воды из ведра, куда окунался каждый раз перед тем, как калить металл, и сказал, что сыт по горло. Но я его уговорила.

Шея у парня в ожогах, хотя мы прокладку каждый раз новую делали. Однако, и тут спасение подоспело, Миринда – моя незаменимая волшебница выручила. Марица сгоняла туда-сюда и принесла от неё особого чая, что снимает боль, и склянку с дико вонючей мазью, которой надо смазать кожу. Чай Исмаэлем был отвергнут сразу,

- Нет! Или обыкновенный, или вода!

И не объяснишь, что травяные чаи разными бывают.

- Ну вот и всё! – выдохнул Василис, разгибая в руках железную дугу. - Держи на память! – вручил измученному вконец парню.

- А это тебе, мастер! – подаю мешочек с деньгами. Там целых пять монет серебром. Это много, но работа того стоила.

- Не возьму, - отодвигает. - Не лишайте права на доброе дело, госпожа.

- Благодарю, дорогой мой человек! – мы искренне обмениваемся рукопожатием, а Исмаэль сияет такой лучезарной улыбкой, что аж слепну.

Он такой счастливый, такой красивый, несмотря на обожжённую шею, и даже не поворачивается язык сказать, что, как всё заживёт, надену на него новую удавку. Да, она будет из мягкой кожи, узкая, удобная, снимающаяся лёгким движением руки, но, всё равно, будет. Таковы законы нашей страны.

- Вы же помните, госпожа, если человек не свободен, надо носить ошейник, - всё портит Василис.

Не успеваю заткнуть его, и оправдываться поздно, потому что сказочная улыбка смывается с лица моего парня, как мел с камня первыми же каплями дождя.

- Мы найдём выход, - отвечаю кузнецу, глядя в красивые карие глаза, в которых снова разгорается боль.

Обратно возвращаемся по главной улице. Торговля закончена давно, народ разбредается по домам, последние лучи заходящего светила указывают дорогу к особняку.

Исмаэль молчит, и мне сказать нечего. Сегодня был тяжёлый день, он принёс большую победу и радость, омрачённую нелепыми условностями, избежать которых мы не в силах. О чём говорить? Он ведь не глуп, сам понимает. Зачем слова?

И всё же, перед тем, как разойтись по комнатам, прошу,

- Не дай погаснуть радости, иначе она может стать последней, а ведь мы только в начале пути!

- Доброй ночи, госпожа, - потом, немного замявшись, поправляется, - Северина… -

Значит, путь наш верен…

***

Почудилось, или кто-то скребётся в дверь?

Молочный рассвет за окном пробивается первой туманной дымкой сквозь довольно широкую щель, плохо задёрнутых гардин. Окно открыто. Не до того вчера было. Марица не проконтролировала, а я забыла. И, как заснула, не поняла.

Точно, стук в дверь. Это значит, некто пробрался в мою гостиную и уже рвётся в спальню!

Нехороший холодок прокатился от лопаток до поясницы! Я ведь Исмаэля не заперла! Была мысль, но показалось, что всё решено, на верный путь встали, да и недоверием больше обижать не хочется.

- Войдите, - пищу.

Может, Марица? Хотя, в такую рань? Охрана? Тянусь за пеньюаром, что остался брошен в ногах на одеяле, но рука повисает в воздухе.

- Госпожа, – новый сосед в одних исподних штанах заходит в мои покои и встаёт столбом, переступив порог, - помогите!

- Что стряслось? – может ожоги разболелись, может, просто бессонница напала, может…

Исмаэль развязывает тесёмку на поясе и спускает штаны вниз по бёдрам! Я уже готова завизжать или заорать не своим голосом: Охрана! Караул! Хотя он мне снился, конечно, но вот так без романтики, напролом?!

Пока раздумывала, стоит ли звать подмогу, понимаю, что справимся как-нибудь сами, без помощников.

Штаны на полу, на Исмаэле сетка сверкает золотом в первых утренних лучах, а сам он, показав мне своё богатство, упирается лбом в стену и издаёт нечленораздельный стон, в котором понятно только одно слово,

- …Сдохну!

Глава 19.

До меня не слишком доходит, чего смертельного парню грозит здесь и сейчас?

На всякий случай переспрашиваю,

- Что-то болит?

Он шипит в бессильной злобе,

- Издеваешься что ли? - И, развернувшись, совершенно откровенно выпячивает передо мной свою красоту, нервически указывая на неё обеими руками, - вот это!

Мне неловко разглядывать его подробности, но приходится, если уж человеку приспичило.

Цепочки и вправду так натянуты, что того гляди, лопнут, но это лишь иллюзия хрупкости, представляю, насколько они крепки.

- Снимай, - советую и отворачиваюсь, как могу, иначе опять подумает, что меня хлебом не корми, дай на его добро попялиться, - хватит красоваться, а то отвалится всё в конце концов!

- Мудро, - отвечает, и слышится в его голосе злой сарказм. - Только не могу! Мог бы, разодрал к чертям уже давно!

Меня осеняет,

- Потерял? Ключ профукал? Я ж тебе специально на браслете отдала, чтобы заметней был!

Теперь надо думать, как снять эти силки.

Стыдобища, конечно, разглядывать чужого голого мужика, но дело, похоже, приняло серьёзный оборот, если он сам заявился чуть свет, наплевав на все свои суровые принципы.

Хоть и спросонья, соображаю быстро,

- Потерпи немного, часа через два снова к кузнецу съездим, не будить же человека. Чего вчера-то молчал, как воды в рот набравши? Надо было сразу всё снимать! Он, конечно, не золотых дел мастер, но от ошейника избавил ювелирно. Я в него верю.

Исмаэль с рычанием нагибается к кальсонам, покопавшись во внутреннем кармане, вытряхивает оттуда и протягивает на указательном пальце браслет с ключом,

- Вот!

Ничего не понимаю! Что он задумал? Хочет, чтобы я сняла? А зачем? Утро вечера мудренее? Захотелось любви, надежды, тихой славы? Развратник!

Припоминаю,

- Кое-кто сказал, если прикоснусь, убьёт. Так что не валяй дурака, снимай сам!

- Да не могу я!!! Не понимаешь, что ли?! – с такой досадой, будто я его подвела в важном деле. - Думаешь, пришёл бы? Я даже замка не вижу! Куда ключ вставлять?

Встаю, опасливо подхожу поближе, вниз стараюсь не глядеть, ворчу от волнения, капая на больное место,

- Вот так, Исмаэль! Не плюй в колодец, как говорится!

Я, вообще-то не вредна и не злопамятна, Боже упаси! Но пусть этот стервец тоже запомнит, что хамить приличным девушкам не стоит!

И тут происходит нечто!

Исмаэль, тяжело вздохнув, вдруг опускается передо мной на колени, упирается лбом в голые ступни, и я слышу,

- Простите меня за ошибку, великодушная госпожа! Я понял, я смиренен! Готов на всё! Сделайте меня своим постельным!

- Что за бред ты несёшь? – если честно, такая метаморфоза пугает! Не ожидала, думала, извинится, и мы перейдём к решению его пикантной проблемы.

А тут,

- Вы такая красавица, такая умница! Велите, что хотите! – то ли комплименты делает, то ли причитает.

При этом обхватывает мои голые ноги, начинает нежно целовать пальчик за пальчиком на озябших ступнях. Немного щекотно, но так приятно! Боже, как невыносимо приятно! Невольная дрожь прокатывается снизу-вверх, перебирая всё тело до самого темечка!

А потом тепло волнами поднимается от каждого поцелуя вверх к щиколоткам, коленям и выше, прячась в оборках ночнушки, тревожа моё сокровенное, которому нет названия. Что это? Не пойму! Как в том сне, где он был главным героем, тяжелеет внизу, странной ломотой скручивает живот, каменеет грудь, выпирая сосками сквозь тонкий батист ночной рубашки.

Скорей обхватываю себя руками, хотя парень вверх не глядит, чуть ли не вылизывая мои ноги. Так вот они какие, мужские ласки! Я даже вздохнуть боюсь, вдруг получится крик!

А Исмаэль продолжает своё дело, возвращая меня с небес удовольствия на бренную землю,

- Я понял, госпожа Северина, осознал! Ваша добрая женская забота сделала меня послушным! Обещаю выполнять всё, что возжелаете!

Помешался? Что с ним такое?

Папенькина школа послушания почему-то дала свои плоды с некоторым опозданием!

- Ис… Исмаэль? – еле выдавила! Даже заикаться стала, и голос будто бы не мой, – ты сосошёл с ума? А ну-ка поднимайся!

Еле стою от этих его лобзаний. Сейчас заметит, что колени дрожат, подумает, испугалась. А я не испугалась, что-то другое творится. Неизведанное!

Голый парень поднимает голову и снизу-вверх умоляет,

- Делай со мной, что угодно, только сними клеть! – губы кусает, но глядит в упор, и нет в этом взгляде ничего хорошего.

Словно ушатом ледяной воды обдало.

- Вот и весь секрет, - сразу так неприятно стало.

Отступаю, пячусь, а он не понимает,

- Так нравится играть? – обиженно. - Что ж, я выучен для забав, - отвечает сам. Причём в тоне появляются нотки обречённости, - но пытка уже невыносима! – Снова кидается к ногам, - пожалуйста, хоть ненадолго снимите, госпожа! – с надрывом.

- Исмаэль, ты чего? – опускаюсь к нему, поднимаю лицо за подбородок.

- Всё верно! Так и надо наказывать непокорных рабов!

Да у меня и в мыслях не было.

- А, можно ближе к делу? – что за бред он несёт? Всего-то и надо дать мне доступ к чёртовому замку, а не изображать тут покаяние.

- Ближе к телу? – Переспрашивает и отвечает, - можно! Вы правы! Унижение, уж если оно началось, должно быть полным!

Дожидаться, пока Исмаэль покажет, что такое полное унижение, нет сил. И этого лишку! Просто обидно, однако, если бы этот сукин сразу позволил, я уже давно сняла бы сию штуковину.

- Всё! Довольно меня пугать! – или, как это называется, когда в теле буря?

Поднимаюсь, иду к постели, рассчитывая, что он следом,

- Это от недоверия твоего. Сам себя наказал, сам и мучаешься, - балаболю, даже не вдаваясь в смысл сказанного, но вроде, всё по делу, лишь бы он не заметил моей растерянности. - Я же тогда не посягала, просто полюбопытствовала, - припоминаю свой позор. - Как ты это столько времени носишь, вообще не представляю.

Он тоже встаёт, стыдливо закрывает глаза и отворачивает лицо.

- Болит?

- А, как ты думаешь? – ещё и в обидах.

- Ложись уж, - похлопываю по краю кровати. - Придётся разобраться в устройстве сей приблуды.

Уговаривать не приходится, распластывается спиной на постель. А я сползаю на пол, становлюсь на колени перед ним, лежащим, и говорю такое, что ушам своим не верю,

- Раздвигай ноги, коли так. Будем искать твой потайной замочек.

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.